

ВОЕННАЯ  
ФАНТАСТИКА



# СТАЛЬНЫЕ ГРОЗЫ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

Военная фантастика (АСТ)

Александр Зорич

**Стальные грозы**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

## **Зорич А.**

Стальные грозы / А. Зорич — «Эксмо», 2016 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-699-92098-3

Война с Конкордией только что отгремела и в Галактике воцарился мир. Но надолго ли? 12-й гвардейский танковый полк, в котором командует ротой гвардии капитан Константин Растов, внезапно поднят по тревоге. Задача – высадиться на угрюмом планетоиде и вместе с военно-космическими силами атаковать базу конкордианских мятежных звездолетов, которые отказались капитулировать вместе с остальным флотом. Танки Т-14 рассчитаны на бой в условиях безатмосферных планет, но еще никто не водил их в бой против звездолетов! Выдержит ли техника? А главное – выдержат ли люди? Но главные вопросы придут потом, когда выяснится, что враг прятал на планетоиде нечто очень важное, а к ключевым планетам землян протянули свои клешни инопланетные захватчики...

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92098-3

© Зорич А., 2016  
© Эксмо, 2016

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

# **Александр Зорич**

## **Стальные грозы**

© Зорич А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

## Глава 1

### Контуженый-заслуженный

*Август, 2622 г. Кубинка Планета Земля, Солнечная система*

Офицер службы психологической помощи, а по совместительству доктор психиатрии с ароматной фамилией Кваснов огладил ухоженную русую бородку, водрузил на переносицу очки и, поглядев на майора Растова с мягко остывающим интересом, попросил:

– Константин Александрович, пожалуйста, сосредоточьтесь. И расскажите, что именно произошло вчера утром на Каштановой аллее.

– Я уже написал в протоколе задержания, – холодно ответил Растов.

– В протоколе – это в протоколе. Мне нужно услышать живой рассказ. Поглядеть, как вы жестикулируете. Увидеть выражение ваших глаз. Мне ведь поручено вынести решение.

– Решение?

– Насчет того, не рано ли вас... так сказать, вернули в строй. Может, следовало бы еще некоторое время... подлечиться? Отдохнуть? Я бы порекомендовал санаторно-курортное лечение. На Ардвисуре.

Кваснов – сама корректность. Растов похож на школьника, пойманного на списывании.

– Зачем «подлечиться»? Я фактически здоров, результаты анализов в норме, ничего не болит... И хотя физические показатели у меня пока восстановились не полностью, я работаю над этим каждый день. В том числе по утрам, на Каштановой аллее. Я там бегаю. Десять кмэ.

– Бегаю – это не совсем то. Тут, мне кажется, нужна психологическая разгрузка... Коррекция...

На лбу Кваснова выступила незапланированная капля пота. И даже не особенно наблюдательный Растов понял: добрый доктор не знает, как именно лучше действовать, чтобы получилась идеальная консультация. И, поди, уже жалеет, что взял «сына самого Председателя».

– Ладно, я повторяю... Итак, вчера, во время утренней пробежки, километре эдак на третьем, при входе на Каштановую аллею Центрального парка имени Чехова, меня едва не сбил мобиль «УАЗ», модель «Кунашир», расцветка «хамелеон». Он остановился в миллиметре от меня. Именно в миллиметре. О чем, я так думаю, имеется запись какой-нибудь из камер наблюдения... Это тем более возмутительно, что я находился на пешеходном переходе, оснащенном световыми ограничителями... А значит, мне должны уступить дорогу!

Кваснов радостно закивал, жестами побуждая Растова говорить.

– Да! А потом?

– Я подошел к водителю, который даже из кабины выйти не соизволил... Вытащил его, значит, из водительской двери... И три-четыре раза ударил его... Слегка.

– В какие места?

– Два раза под дых. И два раза в челюсть. Кажется, так. – По контрасту с событием, о котором шел рассказ, Растов выглядел очень рассудительно.

– Константин Александрович... Хм... Вы били водителя потому, что он проявил невнимательность по отношению к вам лично? Так?

– Нет, потому что за день до инцидента я уже видел этот траханый «Кунашир» на том же переходе. Тогда он едва не сшиб двух студентов, толстопопиков таких румяных. Те, как и я, бегали. Фигуры себе набегать пытались... Студентки его, конечно, не отделали, силенки не те... Но по матери послали знатно, я слышал!

Брови доктора Кваснова удивленно взлетели на лоб.

– Константин Александрович, а почему вы вчера милиции не рассказали про студентов?

– А потому что меня никто не спрашивал! – ответил Растов с вызовом. – Я человек военный. Привык говорить только на те темы, о которых спрашивают!

– То есть вы решили самостоятельно наказать водителя, который небрежно относился к правилам дорожного движения, так? – подсказал доктор Кваснов и занес руку над бланком.

– При чем тут «небрежно относился»?! – начал помаленьку закипать Растов. – За день до того этот тип едва не сбил двух девчонок, будущих матерей. А на следующий день – меня. Это не назовешь «небрежностью»! Так ведут себя только чудачки на букву «м» и потомственные передасты.

– Подождите, не кипятитесь, – примирительно заулыбался Кваснов. – Я просто...

– Слушайте, доктор, зачем вы все это у меня так подробно выспрашиваете, а? Не из любопытства же, правда? – Растов подался вперед всем телом и проткнул психолога взглядом, как энтомолог букашку.

Кваснов испуганно отодвинулся к стене вместе с креслом – столько напора было в растовской мимике и жестах! – и быстро заговорил:

– Мне сообщили, я должен вас аттестовать. Выставить вам оценку за психическую вменяемость. И еще одну оценку – за уровень агрессивности. Третью оценку – за адекватность... социальную. Также я должен написать вот на этом бланке, – Кваснов потряс в воздухе разлитым листом пластика, – есть ли, по моему мнению, у вас послестрессовый синдром и насколько он выражен...

– Короче, вы думаете, а вдруг этот майор, как вчерашний фронтовик, сейчас на мирных людей бросаться начнет? Может, он контуженый?!

– Примерно так.

Некоторое время оба сидели молча – Кваснов скрестив руки на животе, Растов – уставившись в пол.

Первым нарушил тишину Растов:

– Послушайте, доктор... А вы бы что, не стали бить того водителя?

– Ну... – Кваснов огладил свою чудо-бородку и отвел взгляд.

– Не стали бы, даже несмотря на то что точно знаете: цвет «хамелеон» еще до войны запрещен? И невзирая на известную каждому школьнику истину, что на пешеходных переходах надо останавливаться? И из машины выходить, если человека едва не сбил? Что надо хотя бы извиниться перед ним, нет? – Растов весь лучился сарказмом.

– Видите ли, я, скорее всего, записал бы номер этого негодяя и настучал бы на него в милицию! Это соответствует типу моей личности.

– Ага! Настучали бы! И милиция прислала бы ему штраф! И он бы этот штраф оплатил, даже не заметив! Среди счетов за отбеливание ануса и стрижку когтей своей чихуахуа! И продолжил бы ездить дальше в той же хамской манере! Потому что с чувством собственной важности у гражданина все в порядке! И с деньгами тоже, если у него на «Кунашир» хватило! Вот вам, доктор, на «Кунашир» хватает? Говоря откровенно?

– Мне – нет... Но меня же и по визору с утра до ночи не крутят, как Куллэ.

– Его фамилия Куллэ? – оживился Растов. – И его крутят по визору?

– А вы разве не знали? Он певец! Бриллиантовый голос России! Кумир всех школьников от Минска до Находки! «Чмокаю, чмокаю щеки твои, щеки твои», – противным козлетоном напел Кваснов. – И вот это: «Я хочу с тебя снять, с тебя снять твое платье-платье цвета мухомо-о-ра...»

Растов поглядел на доктора испуганно. «Мухомо-о-ра?»

– Вы это, не подумайте чего... У меня просто дочке четырнадцать лет. Я волей-неволей вникаю... Из-за двери по утрам доносится, – объяснил Кваснов и развернул на Растова фотографию довольной жизнью нимфетки в переливающейся рамке, что служила единственным украшением его белого как снег письменного стола.

– То-то я думаю, чего он так на педика похож, этот ваш Куллэ. Шевелюра эта серебряная, кольцо над глазом... И в милицию сразу трезвонить начал, права качать... Уверен был, гаденыш, что кто-то за него обязательно заступится... «Проявит понимание».

– Откуда Куллэ было знать, что его поколотил сын Председателя Растова? – со спокойной ехидцей заметил доктор.

И снова в комнате воцарилась тишина, плотная, как рождественский холодец.

И снова Растов был первым, кто ее нарушил.

– Послушайте, доктор... А можно, я... пойду? – с мольбой сказал майор. – У нас из роты три танка списали в заводской капремонт... Еще один на Навзаре в безвозврат ушел... В итоге, чтобы восстановиться до полной численности, мы должны принять и обкатать четыре новые машины. Этим, конечно, заведует зампотех батальона товарищ Пыж. Но я все равно должен присутствовать!

Кваснов поглядел на Растова с облегчением.

– Ну, ежели надо, то идите... Но это... вы должны отдавать себе отчет, что я вынужден назначить вам еще одну встречу в этом же самом кабинете!

– Да хоть две! – Растов обрадованно вскочил. – Буду теперь коллегам представляться «контуженый-заслуженный»!

– А вот если я назначу вам две встречи в этом кабинете, Константин Александрович, это будет означать, что я признал вас «условно вменяемым». И что я начинаю курс реабилитационной терапии, – угрюмо прибавил Кваснов.

А когда Растов взялся за ручку входной двери, заметил еще более угрюмо:

– И вот еще что... Я бы, наверное, тоже этого Куллэ отделал.

Военпсихиатру Растов, конечно, немного приврал.

Да, ему нужно принимать новые танки. Но это будет только завтра утром, 5 августа. А на сегодня его рабочий день уже закончен. И его задача – впустить в свой коттедж новую домработницу, Марию Федоровну, неотлучно сопровождаемую ее притким универсальным роботом-уборщиком.

Причем не просто «впустить», а дать ей кое-какие указания эстетического и процедурного свойства.

И про цветы, чтобы пошла выбрала самые-самые. И про доставку из магазина особых крымских вин, и чтобы обязательно был итальянский мускатель. И про кейтеринг из ресторана «Салют», пусть все три раза перепроверит и этим рвачам в поварских колпаках перезвонит. И про новое постельное белье, атласное, цвета молочного шоколада, пусть стелит. Это белье когда-то выбрала для Растова мать, но он, конечно, поленился его даже распаковать, пользовался казенным. Но теперь уж сам бог велел...

Все это страшно важно. Куда важнее докторских аттестаций.

Потому что завтра вечером этот коттедж посетит не кто-нибудь, а Нина Белкина, любимая женщина майора Растова. Все должно быть безукоризненно, уж больно она капризная.

Тем более есть некий вопрос, который пора бы с Ниной обсудить. И даже кольцо куплено...

Ожесточенно хрустя гравием, Растов шел по дорожке быстрым шагом амбициозного молодого командира.

После войны его неприязнь к «зажравшейся Кубинке», с ее подогреваемыми унитазами сиденьями и фигурно стриженными самшитами, чудесным образом поутихла. Может, он просто привык и полюбил уют. А может, приезды Нины одухотворили этот благополучно-унылый край и сделали его чем-то вроде дальней окраины яркого языческого рая взаимно влюбленных...

Когда инструкции Марии Федоровне были даны, он почувствовал себя необычайно уставшим. «Как будто кросс в полной выкладке пробежал...»

Да, ничто не утомляло Растова сильнее, чем думы насущные о домашнем хозяйстве.

Поэтому когда на горизонте нарисовался начальник разведотдела полкового штаба Коробов и предложил майору сходить в непритязательную пивную «Морской прибой», расположенную прямо за выходом с территории части, Растов обеими руками ухватился за эту возможность расслабиться. Хотя с Коробовым, похожим на обритого налысо немецкого садового гнома, никогда особенно близок не был.

Не успели они взять по пол-литра «Ячменного колоса», как оказалось, что за соседним столиком выпивают взводные растовской роты: Ченцов, Галушкин и Осокин.

К 19.00 они уже набрались преизрядно. На основании этого Растов заключил, что ужин бравые лейтенанты, как и он сам, решили из развлекательной программы вымарать, ограничившись жирными, как ад, кулебяками из русской печи, печеным чесноком и панированным в ржаных сухарях козьим сыром.

Растов чинно ответил на приветствия взводных и воткнулся в свою кружку, ожидая, когда же Коробов, любитель расписывать под хохлому деревянные ложки, включит свою коронную пластинку: «А вот я вчера погляди, чего изобразил».

Однако вместо фотографий ложек, мисок и подносов Растова ожидала другая скучная тема: отпускная.

– Когда отпуск, Костя, не знаешь? – спросил Коробов, задушевно глядя в глаза товарищу.

– Откуда мне знать? Да и вообще, кто из нас разведка? Ты. Вот и разведал бы!

– У этих разведаешь... – вздохнул Коробов, обиженно глядя на потолок, словно именно там засели «эти», то есть начальство. – Понимаешь, мне важны даты...

– Ну, брат... Всем важны.

«Ячменный колос» откололся как-то не совсем по правилам – он был не шибко свежим, да еще и с каким-то сладковатым, неправильным привкусом. Растов некультурно скривился и вернул непроглоченное пиво в бокал. Сделал знак бармену. Мол, что за нафиг?

А вот Коробов не привередничал – он был увлечен наболевшим.

– Костя, объясни хоть ты мне... Почему они нас в отпуск-то не отправляют? Мы же воевали? Воевали. Хорошо воевали? Да просто отлично, как по мне! Замаялись? Страшно! Мне вон каждую ночь кошмары снятся. До сих пор...

«Ему-то чего снятся? Сидел в штабе, пока я наступление до самой столицы Навзара двигал. И пока мы Стальной Лабиринт защищали – снова же, сидел во все том же штабе... Впрочем, он же из разведотдела... Кто его знает, может, из пленных клонов секреты выколачивал... Такими методами, что теперь кошмары снятся».

Филиппики Коробова тем временем лились неостановимо:

– ...И? И ну? Где результат?! Не для Родины результат – с этим-то понятно. Для меня лично! Почему бы нас отдохнуть не отправить, а рубежи пока пусть кто-то другой покараулит? Некому, что ли? Вон, полные академии желторотых...

– Думаю, тут другое, – лениво сказал Растов. – Оно, конечно, есть кому. Но командование чего-то боится...

– Чего именно?!

– Да мало ли чего! Рецидивов каких-то... Неожиданностей! Если вдруг что, они же нас долго будут из отпусков выковыривать... А молодежь им поначалу такого навоюет, что мама не горюй... Будут потери... Пресса завоюет про некомпетентность и перефинансирование...

Коробов тяжело вздохнул.

Все то, что сказал Растов, он, несомненно, понимал и сам, иначе никогда не дослужился бы до начальника разведотдела. Но так уж устроены люди, что им проще жить, когда очевидность очевидного признают не только они, но и все вокруг.

Взяли еще по пол-литра – «Медового особого». А потом еще по литру. А когда в визоре началась трансляция футбольного матча, Растов, вызываясь равнодушный к футболу, написал Нине исполненное огня и муки сообщение и поплелся домой.

За спиной Ченцов с Осокиным горланили неофициальный гимн бронетанковых войск.  
«Пусть враг хитер, мы во сто крат хитре-е-е!»

Утро 5 августа началось для Растова обычным порядком.

Зеленый коктейль из блендера: ботва редиса, молодая валерьяна, шпинат, черника, банан.

Витамины и лекарства – по-разному таблетированные, разноцветные, разновеликие, похожие на ягоды с пластиковых ягодных кустов.

Пробежка по Каштановой аллее и назад, в общей сложности десять километров. Пробежка вышла вялой и какой-то сердитой, «на характере» (ведь все-таки вчера было пиво!). Одна радость – Куллэ со своим «Кунаширом» на глаза больше не попадался.

Затем душ. Контрастный. «И в чем-то даже страстный», – усмехнулся Растов, вытираясь. Завтрак всухомятку и чтение почты, по большей части околорекламного содержания.

Сообщение, отправленное Нине. Страстное чуть более чем полностью.

Нина проснулась поздно, спала плохо, жаловалась, что совершенно не хочет идти на работу и что все валится из рук.

Да, военюрист Белкина вновь работала по специальности. Возилась с офицерами так называемой ДОО – «Добровольческой Освободительной Армии». Эту горе-армию величиной в пару батальонов подлые клоны на скорую руку сколотили из пленных, преимущественно руководствуясь соображениями не столько военными, сколько пропагандистскими.

«Но они же предатели! А ты их защищаешь», – глухо ворчал Растов.

«Но они же наши, русские предатели. А значит – достойны как минимум понимания», – отвечала Нина, сама кротость.

Нине было тяжело – и морально, и физически. Редкий ее рабочий день длился меньше 12 часов. Но, несмотря на ворчание и нытье, Растов знал: он любит ее именно такой, любит этот жертвенный блеск в глазах и неукротимую готовность «во всем разобраться», любит эти глаза, глядящие с печальным вызовом.

После Нины – разговор с матерью, несмотря на ранний час уже как будто нетрезвой («со вчера?»).

«Ты представляешь, есть надежда найти Кешу! Представляешь? Поступила информация, он на какой-то планете... Глагол! Ты такую знаешь?»

«Впервые слышу».

Растов не воспринял всерьез слова матери о далекой планете с дурацким названием, где якобы нашелся Кеша. Хотя теория вероятностей вроде бы дает шанс и такому событию, отчего нет. «Она, засранка, всем его дает».

В 9.01 утра Растов уже сидел в кабинете зампотеха батальона.

Вдыхал лакомую горечь свежайшей молочно-кофейной пенки.

И слушал доклад о том, как трудно ремонтировать танки, потому что они холодные и тяжелые.

На обеде было как на танцплощадке – шумно, сложно и многолюдно.

Даже тот, кто по причине короткой командировки отсутствовал в части, старался вернуться к 14.00, чтобы не пропустить «блюдо от шеф-повара».

В этот день давали карпа с кедровыми орешками в кисло-сладком соусе – китайский кулинарный хит с многотысячелетней историей.

Аппетита у Растова абсолютно не было (чертов «Ячменный колос»!), но, как и все, против карпа он устоять не смог.

К рыбе он взял салат из пророщенной люцерны с костромским пармезаном и помидорами-черри, сбитень и тарелку нарезанного арбуза. И еще два двойных кофе. Ибо.

В тот миг, когда последняя арбузная косточка была уложена педантичным Растовым на тарелку, оставшуюся от карпа, в столовой завывла сирена и трансляционная сеть голосом дежурного по части проорала: «Боевая тревога!»

Внутри у Растова как будто сорвался с троса и понесся к центру Земли тысячетонный груз.

Вдруг ему стало по-настоящему страшно.

Ведь он слишком хорошо помнил: 9 января, когда напали клоны, их подняли по тревоге точно так же, вот в точности так...

Первым делом он подумал о Нине. «Только бы она была в безопасности!»

Вторым – о маме.

И лишь затем оформилась в холодные как мрамор слова мысль: «Снова война».

Растов встал из-за стола, утер рот салфеткой и быстро, как только мог быстро, побежал к выходу из столовой.

Таких, как он, было много. Точнее – все.

Пыхтя, Растов потрусил к боксам, где стояли танки. Бежать с набитым брюхом было не очень. Майор мысленно поругал себя за жадность.

«Все эта ваша Кубинка! Делает из бойца кишечник на ножках!»

Рядом с Растовым бежали и пыхтели его товарищи. На лицах многих читалось неверие, точнее – нежелание верить.

«Обычная тревога, вот и все. Учебная. Просто дурак дежурный оговорился, назвал «боевой». Ничего страшного».

Никто ничего не объяснял и ничего не комментировал. У Растова даже мелькнула шальная мысль позвонить отцу.

Спросить: «Пап, а что там, в государстве, вообще творится, а?»

Спросить, как он спрашивал в садике, когда, например, над Столицей взлетал арками и фланировал драконом неожиданный, по случаю чьих-то именин, фейерверк.

Но майор, конечно, выбросил эту мысль из головы. А что, если и впрямь война? Сколько человек сейчас пытаются дозвониться до всемогущего Александра Павловича? Тысяча? Десять тысяч?

Вот выскочили из боксов на танках.

Приготовились стену ломать, как это водится по настоящей боевой тревоге для «ускорения процесса рассредоточения».

Но тут – окрик все того же дежурного по части.

Мол, стену ломать – ни в коем случае! Моторы не глушить, ждать дальнейших указаний.

Затем наконец в наушниках раздался скрипучий баритон комбата Зуева.

– Нет, товарищи, это не нападение. Поступил приказ срочно передислоцироваться на планету Тэрта... Клонских недобитков ловить будем.

– Значит, все же не война, – сияя широким красным лицом, произнес Игневич.

– Не война, не война, а убить могут, как на этой вашей войне, – промолвил фаталист Кобылин.

«Эх, Нина не придет...» – подумал Растов печально.

## Глава 2

### Не война

*Август, 2622 г. Город Синандж Планета Тэрта, система Макран*

Что думал Растов по поводу этой странной боевой тревоги?

Думал, что название планеты – Тэрта – говорит ему немного: что-то крупное и стратегически важное в Конкордии. Но мало ли в Галактике крупного и важного?

А больше ничего не думал. Не до размышлений ему было. Ведь требовалось проследить, чтобы взводные командиры и ротный старшина Вергун впопыхах ничего не забыли: двойные боекомплекты, запчасти, топливо, провизию, воду...

Еще вспомнилось, что «рота, быстро поднятая по тревоге, не считается спавшей». Так приговаривали они в кадетстве, будучи дежурными по казарме Харьковской бронетанковой, когда приходилось среди ночи поднимать товарищей в ружье.

К их ситуации, правда, эта прибаутка не клеилась, ведь выдержали их не из постелей...

Когда грузились в войсковой транспорт «Авачинск», Растов получил ожидаемый вопрос от Кобылина:

– Ну и чего там еще начальство измыслило? Неужели десант?

– Нет, вряд ли, – сказал майор. – Нас грузят на войсковой транспорт, а это означает обычную переброску. Так что если и в десант, то не сразу.

– В каком-то смысле это плохо, – таинственно заметил Кобылин.

– Чего ж плохого-то?

– Да я вот в Египет собрался. Там меня на Синае Пехлеван ждет!

– Пехлеван?

– Ну как же! Помните кобеля собаки динго, которого я подобрал в Египте? Я его Пехлеваном назвал! Оставил его там одному надежному товарищу, Наифу Рессалину. Пока с войны не вернусь. Только собрался проситься в отпуск, а тут эта тревога!.. Как бы этот Рессалин собаку мою не выгнал...

Растов помнил ценную находку Кобылина. Конечно, никакой то был не динго... Так, в лучшем случае помесь корги с дворняжкой. Но фантазии боевого товарища следовало уважать.

– Ну допустим. А почему ты в десант так рвешься? – любопытствовал Растов.

– Так чтобы быстрее обернуться! Раз – десантировали. Два – мы всех убили. Три – обратно домой. Четыре – я лечу на Синай! Если все споро провернуть, в двое суток уложиться можно!

Растов одобрительно ухмыльнулся.

– Вижу, Навзарский рейд привил тебе вкус к молниеносной войне.

– Только так воевать и нужно! Не можешь молниеносно – вообще не вой! – с горячей убежденностью воскликнул Кобылин. – Вот я сейчас читаю. – Он вытащил из нагрудного кармана замызганную книжку и потряс ею перед носом Растова. – Немец один написал, Юнгер. Называется «В стальных грозах».

– В стальных? Танкист, что ли?

– Да нет, это про Первую мировую войну. Шестьсот лет назад!

Растов наморщил лоб, припоминая.

– Так у немцев танки тогда уже были. И вроде хорошие.

– Они у немцев чуть позже появились, командир. В Первую мировую – еще не было. Юнгер этот – он в пехоте служил, ротой командовал. Ну и вот написал мемуары. Как они там воюют. С англичанами.

– Ну и как? Молниеносно воюют?

– Противоречиво. Перед атакой – трехдневный артобстрел, а потом они волнами бегут на вражеские окопы... Вот тут по возможности молниеносно, да. Но выжившие англичане косят их из пулеметов, в упор... Так что приходится падать обратно, носом в землю... А дальше как карта ляжет: иногда полку Юнгера удавалось прорвать все линии окопов, перебить всех пулеметчиков! Пойти дальше, на простор вырваться!.. А иногда останавливались прямо в первом же окопе. Ну и все, конец наступления. Продвижение вперед – триста метров. Понимаете?

– Понимаю. А позитив?

– Позитив в том, что они были очень храбрые люди. И когда все-таки атака шла удачно, то за два часа без всяких танков они могли наделать таких дел, что у англичан разбегались целые дивизии... Ну а мы-то сегодня умеем воевать получше тех немцев, верно? Вот я и говорю: хорошо бы в десант. Да поскорее.

Логика своего боевого товарища Растов все равно не понял. Впрочем, в этом был весь Кобылин.

Столица планеты Тэрта называлась Синандж.

Меньшая и лучшая половина города стояла на острове в океанском заливе. Большая и худшая – вытянулась вдоль побережья уже на континенте. Через залив были переброшены мосты, сшивающие городские половинки в единое целое.

«Авачинск» приземлился на одну из немногочисленных свободных площадок военного космодрома. По левую руку от транспорта громоздился внушительный линкор-авианосец «Суворов». По правую – тянулась аккуратная линейка однотипных фрегатов проекта «Беспощадный», рабочих лошадок военфлота.

Перед «Авачинском» серели в ряд танкодесантные корабли – «Константин Ольшанский» и еще три каких-то.

Стоило их транспорту сесть, как из «Ольшанского» на бетон выползли открытые штабные мобили-вездеходы с эмблемой военно-космических сил и покатались к ним.

Пока бронетехника покидала «Авачинск» (кто-то с нижних палуб своим ходом, а кто-то с верхних посредством грузовых кранов), навстречу мобилиям вышли комполка Кунгуров, комбат-1 Зуев, комбат-2 Жевнев, комбат-3 Мирошник и еще десятка полтора офицеров комсостава, включая Растова.

Из головного мобилиа выбрался здоровый кабан борцовской комплекции в форме капитана третьего ранга и с толстым портфелем в руках.

– Михаил Тенюх, – отрекомендовался он. – Командир «Константина Ольшанского», а по совместительству начальник ОДК – отряда десантных кораблей.

Танкисты тоже представились.

– Тут у нас все немножко кувырком, товарищи... – перешел к делу Тенюх. – Еще час назад я имел предписание перебросить вашу часть на другой край континента, в лесной массив возле города Тихш. Была ориентировка, что в Тихше запланирован мятеж...

– Мятеж местного населения? – уточнил Кунгуров.

– Местного, да. А выступить они должны были после того, как эскадра «Сефид» выбросит диверсионные группы и нанесет с воздуха удар по нашим опорным пунктам.

– Эскадра «Сефид»? – Комбат-2 Жевнев нахмурился. – Диверсионные группы, удар с воздуха? Так ведь капитуляция, все сдались уже давно!

– Как видишь – не все. Давай дослушаем, – предложил ему Кунгуров.

Тенюх признательно кивнул полковнику и продолжил:

– Так вот, повторюсь, планы только что поменялись. В окрестности Тихша уже отправлен другой полк, своим ходом. То ли тайцы, то ли малайцы... А у меня свежий приказ от старшего флотского начальника по системе Макран, эскадр-капитана Трифонова: подобрать комсостав 12-го танкового полка, то есть вас, и привезти на стоянку яхты «Зор».

– На борт яхты? – попытался поправить его Кунгуров.

– В моем предписании четко написано: «на стоянку», – покачал головой Тенюх. – Так что милости прошу, занимайте места в машинах. А пока будем ехать, можете ознакомиться с ориентировкой.

С этими словами Тенюх открыл портфель и раздал всем офицерам-танкистам одинаковые синие папки.

«Жирная ориентировка какая, – испугался Растов, приняв папку, в которой на ощупь было листов тридцать, не меньше. – Да тут на полноценную войну хватит, не просто раз-двадцат-домой, как Кобылину мечтается!»

– Константин, давай с нами! – позвал его Кунгуров, занимая место в первой машине.

– Спасибо за приглашение, товарищ полковник, но, – Растов деликатно улыбнулся, – я лучше с молодежью.

– Ну как знаешь.

Ехали довольно долго – на противоположный край необъятного космодрома. Так что проглядеть выданные Тенюхом документы успели все.

Картина рисовалась примерно такая.

Первое: заотар Хабад, занимавший в Конкордии пост, примерно соответствующий русскому Председателю Совета Оборона, бесследно исчез еще в июне. Теперь он из неведомого далека вдохновляет идейно крепких клонских психов на сопротивление России и ее союзникам.

Второе: флотский командир, взявший себе псевдоним Гайомарт, этим самым сопротивлением руководит практически. Подлинное имя Гайомарта неизвестно, а псевдоним отсылает к персонажу зороастрийской мифологии, первочеловеку вроде христианского Адама. Идеологический посыл псевдонима очевиден: Гайомарт зачнет племя новых зороастрийцев, они будут лучше прежних, и они придут в мир из пламенного горнила партизанской войны.

Третье: новоявленный клонский Адам возглавляет эскадру, в которую входят авианосец, линкор, четыре фрегата и всякая мелочь. Эскадра называется «Сефид». Есть мнение, что Сефид – имя любимой женщины флотоводца Гайомарта, но это лишь мнение.

Четвертое: начиная с 1 августа, наибольшую активность эскадра «Сефид» проявляет в системе Макран. Корабли мятежников совершают дерзкие нападения на транспорты, стремясь захватить побольше люксогена и провизии.

И пятое: к эскадре «Сефид» предположительно примкнул танковый полк Корпуса Стражей Мира – клонского гибрида внутренних войск и полевой жандармерии.

– А почему, кстати, именно эта система, Макран? – спросил Растов у капитана Носурина – начальника оперотдела их полкового штаба. Капитан слыл эрудитом, как и положено оперотдельцу.

– Там в конце ориентировки написано, – не отрываясь от бумаг, ответил Носурин. – Наши думают, что мятежников привлекают крупные конкордианские корабли.

– Крупные? Я думал, они все давно затрофеены и уведены нами на Землю!

– Не все. Ряд трофеев определен в металлолом. Их сюда, на Тэрту, пригнали, чтобы на местных верфях резать. Так что тут можно и линкор бесхозный найти, и авианосец...

– Линко-ор... – протянул Растов. – Да у этого Гайомарта планов громадьё!

Наконец они заехали на уединенную стоянку, отгороженную от основной части космодрома десятиметровыми бетонными стенами. Там стояла «Зор» – шикарная космическая яхта, выкрашенная в традиционные для клонов цвета: белый, оранжевый и салатно-зеленый. В конкордианской культуре они символизировали добрые намерения, солнечный свет и весеннюю зелень садов. По мнению же Растова, такое сочетание если что-то и символизировало, то давно известный факт, что у клонов глаза на жопе и они видят красоту по-своему.

Под бортом яхты были расставлены два десятка легких раскладных стульев, а также стойки с картами, проектор, звуковые колонки и кабинка со стенками из красной непрозрачной материи – вроде тех, что используются для тайного голосования на выборах в органы общинного самоуправления.

Яхта и импровизированная инструктажная под открытым небом очень хорошо охранялись. На стоянке был расставлен взвод осназа в полной экипировке и, сверх того, три пулеметных расчета.

При этом четверо осназовцев охраняли одну только «кабинку для голосования»!

– Товарищи, прошу садиться, – пригласил Тенюх.

Растову было очень интересно, как огромная фигура кап-три сможет разместиться на хлипком раскладном стуле. Но Тенюх, вместо того чтобы сесть, вышел и встал перед ними, в двух шагах от «кабинки для голосования».

– Пока мы сюда ехали, товарищи, – начал он, – я получил от эскадр-капитана Трифонова новую директиву. – Тенюх заглянул в свой планшет и как-то недоверчиво улыбнулся: – Новости, признаться, отличные... я бы даже сказал, невероятные. Оказывается, нашей разведке удалось обнаружить базу эскадры «Сефид». Поэтому назначена операция по захвату этой базы и уничтожению находящихся там кораблей мятежников. Операция получила кодовое наименование «Метель». Она будет проведена в самое ближайшее время. Погрузка вашего полка на мой отряд десантных кораблей должна начаться сегодня в восемнадцать ноль – ноль.

– Восемнадцать ноль-ноль? – переспросил полковник Кунгуров. – У меня нет уверенности, что к этому времени полк успеет хотя бы выгрузиться с транспорта «Авачинск»! Не говоря уже о регламентном осмотре техники!

Тенюх сделал понимающее лицо и энергично закивал.

– У меня тоже нет уверенности! Но я уже связался с комендатурой космодрома. Обещали подать еще семь кранов.

– Меня другой вопрос волнует, – это был комбат Зуев, непосредственный начальник Растова. – Почему для уничтожения эскадры «Сефид» и ее базы решено привлечь танковый полк?

Другие офицеры поддержали вопрос комбата одобрительным гулом.

Тенюх только того и ждал.

– А вот на этот и подобные вопросы, – с видимым облегчением сказал он, – вам ответит присутствующий здесь представитель наших разведорганов.

– Кто еще тут «присутствующий»? – спросил Растов вполголоса у сидящего слева от него Коробова. – Здесь только мы и кап-три! Или инструктаж проведет сержант осназа?

– Да чего там сержант! – Коробов хохотнул. – Автопилот яхты! Вот прямо из этих колонок!

– Здравствуйте, товарищи.

Насчет колонок Коробов не ошибся – слова приветствия раздалось именно из них.

Конечно, в голос были внесены намеренные искажения, однако все равно было слышно, что он принадлежит достаточно молодому, но уже очень уверенному в себе человеку.

Этим летом таких повышенно самоуверенных молодых людей в России появился целый легион: прошедших через горнило войны с Конкордией лейтенантов и капитанов, звездолетчиков и танкистов, милиционеров и пожарников, пилотов и ракетчиков, взводных командиров и комэсков...

– Здравствуйте, товарищи, – повторил уверенный в себе невидимка, дождавшись, когда удивленные возгласы танкистов стихнут. – Сразу открою главную тайну: я сижу в этой красной кабинке, которая стоит перед вами. Мне самому это кажется смешным, но я выполняю требования Глобального Агентства Безопасности. Мои кураторы полагают, что моя внешность должна сохраняться в секрете – как и моя личность... Поэтому я должен прятаться от вас в этой штуке и вынужден использовать оперативный псевдоним Консультант.

«Да, в общем, нормальные требования, – мысленно согласился с ГАБ Растов. – Мы находимся на вражеской планете, где действует многочисленная агентура клонского сопротивления. Никакие меры секретности не кажутся в такой обстановке маразмом».

Невидимка тем временем продолжал:

– Вообще-то я пилот-истребитель, а не разведчик. Но так сложились обстоятельства, что я в последние дни пилотировал «Зор» – конкордианскую вооруженную яхту, которую вы сейчас видите слева от себя. И вот сегодня мне выпала небывалая удача: я обнаружил базу клонских мятежников! – интонации выдали ребяческий восторг говорившего. Достижение и впрямь было выдающимся, чего уж там.

«Приятный парень, – подумал Растов. – Вот только совершенно непонятно как это он, будучи якобы простым пилотом-истребителем, получил в свое пользование эту яхту? У нее же цена – заоблачная! Сто миллионов терро – влегкую! И как он вообще узнал, куда лететь, чтобы найти базу мятежников?! Откуда получил наводку?!»

– ...Я пролетел на удалении сто тысяч километров от базы. Теперь мы знаем ее координаты и нам известен ее примерный вид. Что я мог – то заснял через оптику яхты. База находится на поверхности планетоида Фраский-Лед, спутника планеты Ялос в системе Посейдония.

– Первый раз слышу, – склонившись к уху сидящего одесную Носурина, прошептал майор. – Посейдония – говорит тебе о чем-нибудь?

– Абсолютно ни о чем. Могу только сказать, что это где-то за пределами официальных границ Конкордии.

– Есть, однако, одна серьезная проблема, – сказал невидимка Консультант извиняющимся тоном. – В другой обстановке флот обязательно провел бы доразведку цели звездолетами и флуггерами. Была бы составлена детальная карта с расположением всех объектов. Однако этого не будет.

Комсостав снова загудел: на этот раз возмущенно. Планировать операцию по данным одного-единственного пролета яхты? Да где такое видано?!

– Этому есть объяснение, товарищи, – поспешил с оправданиями Консультант. – Командование надеется, что мой пролет вблизи планетоида Фраский не был замечен эскадрой «Сефид»... Но больше рисковать в штабе не хотят. Боятся спугнуть клонов. В районе Фраския поработают только два наших Х-крейсера из позиционного положения...

– Х-крейсера? Космические субмарины, что ли? – уточнил у Растова Носурин.

– Ну да, – кивнул майор.

– ...Ну а теперь самое главное. – Слова Консультанта зазвучали глуше и серьезней. – То, ради чего меня попросили встретиться с вами лично. Как единственный человек, который наблюдал базу воочию, именно я внес предложение использовать против эскадры «Сефид» не только корабли и флуггеры, но также и танки. В том числе самые тяжелые: «Т-14» и трофейные «Шамширы». Поэтому я должен разъяснить вам, товарищи танкисты, почему эскадр-капитан Трифонов принял такое странное, на первый взгляд, решение.

– Ставлю десять терро, – сказал Растову Носурин, – что кому-то наверху просто очень хочется увидеть нашу тяжелую технику в самых нелепых боевых условиях. А все остальное – включая якобы независимое мнение этого Консультанта, – уже подгоняется под это желание.

Растов из принципа решил поспорить.

– Даю двадцать терро, что причина уважительная, – поднял ставку он.

– ...Планетоид Фраский, – продолжал Консультант, – это два небесных тела, которые вращаются вокруг общего центра масс на очень малом по космическим меркам расстоянии. Один планетоид частично покрыт ледниками и поэтому называется Фраский-Лед. Другой, Фраский-Базальт, состоит только из каменных пород. Собственное вращение планетоидов давно уже заторможено приливными эффектами. Таким образом, вращаются и обращаются они син-

хронно, из-за чего Фраский-Базальт всегда висит над одной и той же областью Фраския-Лед. Между небесными телами получается, так сказать, стационарное космическое ущелье.

Когда эти ученые летуны из ВКС начинали разглагольствовать об астрофизике, у Радова всегда вскипали мозги. Вроде бы и элементарные вещи объяснял Консультант, но майору было проще выиграть средней сложности танковый бой, чем вникнуть в сакральный смысл формулы «вращаются и обращаются синхронно».

– Примерно в центре этого космического ущелья на поверхности планетоида Фраский-Лед есть глубокий протяженный каньон. Его глубины хватает, чтобы в нем могли надежно спрятаться клонские фрегаты. Что же касается авианосца и линкора, то их, скажем так, выдают торчащие уши. Их-то мне и удалось обнаружить... Но самое главное, что космическое ущелье клоны очень плотно заминировали и прикрыли множеством установок противокосмической обороны. Получился своего рода форт. Его стены состоят из минных полей, а непрошибаемой крышей служит Фраский-Базальт. Если атаковать этот космический форт в лоб, военно-космические силы понесут большие и ничем не оправданные потери.

– Позвольте, товарищ... Консультант! – не выдержал полковник Кунгуров. – Но чем же в описанной ситуации помогут танки?! Ведь десантные корабли столь же легко подорвутся на минах, как и боевые флуггеры! А жертв будет несравнимо больше!

– Все дело в том, товарищ полковник, что танки можно высадить на безопасном удалении от минных заграждений. После чего они прорвутся внутрь клонского оборонительного периметра, который я образно назвал «космическим фортом». Там танки обнаружат и уничтожат тяжелые зенитные ракетные комплексы. А это уже позволит военно-космическим силам приступить к полномасштабному тралению минных заграждений в ущелье между планетоидами.

– Похоже, деньги ты мне проспорил. – Радов победительно улыбнулся Носурину. – Так его послушать, танки действительно нужны!

– Формально ты прав, а фактически флот все равно мог бы обойтись без нас, – с самой кислой миной ответил тот, доставая бумажник. – Это вопрос лишней сотни флуггеров. Тут чьи-то личные амбиции. Может быть, даже нашего комдива.

«Теперь я знаю, как выглядит образцово-показательный, стопроцентный зануда», – подумал Радов и принял от Носурина двадцатку, испытывая удовлетворение некой особой природы.

## Глава 3

### Операция «Метель»

*Август, 2622 г. Плацдарм «Топаз» Планетоид Фраский-Лед, система Посейдония*

Высадка прошла как на показательных учениях, – без сучка без задоринки.

– Нет бы и на Навзаре так, – проворчал мрачный как похоронка Игневич. – А то сами помните...

Ему не ответили. Что тут сказать?

Растов, который непрерывно ждал опасного подвоха, все свое внимание направил на поиск противника. Но засыпанная разнокалиберными валунами и заставленная грядами ледяных столпов поверхность планетоида сегодня была столь же безжизненна, как и миллиард лет назад.

Над головой нависала темная твердь планетоида Фраский-Базальт. Парный к Фраскию-Льду, он действительно, казалось, висит совсем-совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Так что «космическое ущелье», о котором толковал секретный пилот, не было фигурой речи...

Изучив переднюю полусферу, Растов машинально бросил взгляд на экраны заднего обзора. На них безмолвно и страшно разворачивалась необоримая танковая мощь Российской Директории.

Чрева танкодесантных кораблей «Константин Ольшанский», «Иван Рубан» и «Виктор Леонов» исторгали все новые и новые машины.

По правую руку от роты Растова урчали тяжелые бронетранспортеры подполковника Мирошника и «Т-10» комбата Жевнева. По левую – разведрота родного растовского батальона. За ней сторожко поводили из стороны в сторону орудийными стволами «Протазаны» и «Кистени» зенитного дивизиона, а также «тэ двенадцатые» второй роты.

Пресловутых «Шамширов» подполковника Чадовича поначалу было не видеть.

Растов знал, что «Шамширы» – по плану высадки – идут третьим эшелонном. Но почему-то был уверен, что эти приметные гиганты уже высадились и теперь вызывающе возвышаются над приземистыми серыми амбарами десантников-героев «Ольшанского», «Рубана», «Леоннова». Однако командование не спешило светить перед клонами свои козыри. «И потому – дуля вам, а не «Шамширы»...»

– Растов, доклад! – Это был запрос сверху, от комбата Зуева.

– Говорит «Динго»! – ответил Растов с нажимом, как бы призывая комбата к дисциплине радиообмена. – Высадились штатно, все коробки в норме. Готовы действовать.

– Как самочувствие движков?

Комбат задал вопрос не ради пустой формальности. Большинство русских танков, конечно, было рассчитано на действия в условиях безатмосферных планет. Но адаптированный из корабельной силовой установки двигатель МТД-5, поставленный на сверхтяжелый «тэ четырнадцатый», без постоянного притока атмосферного воздуха (или корабельного окислителя) работать, гаденыш, не желал.

Роте Растова оставалось полагаться на емкость аккумуляторов – да, беспрецедентную для бронетехники, но нет, не бесконечную.

С точки зрения тактики танковых войск Растов имел «горючего» лишь на три часа боя. А потому – расчетно – на сто восемьдесят первой минуте должен был встать вмертвую, как Золушкина карета из тыквы в 24.01 по сказочному времени.

Ну а комбат Зуев, как свойственно заботливому отцу-командиру, был склонен это обстоятельство еще и драматизировать, распространяя сомнения на все аспекты подвижности «тэ четырнадцатых».

«Еще один контуженый-заслуженный...»

– Да все нормально, – успокоил комбата Растов. – Танки едут, электроника пищит. Дайте в руки мне баян, я порву его к... диким кабанам.

Танкисты загоготали, этих два раза просить не надо.

Хотя все горели желанием порвать баян немедленно, еще десять минут пришлось прождать на исходном рубеже.

Батальон средних танков «Т-10» – самый многочисленный в полку – разворачивался из ротных колонн долго, с неумелостью новобранцев, хотя и был укомплектован тертым-катаным, опаленным войной личным составом.

Сказывались скверные динамические свойства местного реголита, перемешанного с инеем. Смесь была одновременно и податливой, и вязкой, и скользкой.

Кошмар танкиста!

Собственно, именно по причине реголитово-ледовой каши командование притащило на Фраский левитирующие «Шамширы».

Там, наверху, посчитали, что в крайнем случае, даже если не пройдет вся прочая техника, эти исчадия клонского военпрома как-нибудь уж долетят до каньона Удав – используя свои дейнекс-камеры, позволяющие полностью нейтрализовать силу тяжести и свободно левитировать.

И если даже «Шамширы» не всыпят клонам по первое число, то хотя бы напугают их.

А ведь главная задача дня для 12-го танкового полка формулировалась именно так: выкурить конкордианские корабли из каньона. Заставить их взлететь, покинуть насиженное укрытие. А там уже свое тысячетонное слово скажут линейные корабли и торпеды флугтеров военфлота...

Пока «тэ десятые» полировали реголит, разведка щедро насыпала ротным гигабайты информации.

В числе прочего, из полученных данных следовало, что между кратерами Лесбия и Незванова проход свободен, а противник – не наблюдается.

Был и сюрприз: многометровые расселины, змеящиеся по ледовым плато и реголитовым такырам планетоида согласно давней записи Астрографического Реестра, не только пережили минувшие двести лет, но и преумножились, утроив свое число! По крайней мере, здесь, между зоной высадки «Топаз» и каньоном Удав.

– Вывод: старые карты можем засунуть себе в... нагрудный карман, – вздохнул деликатный Лунин, бессменный заместитель Растова еще с навзарского десанта.

– Пока север с югом не поменялся, воевать можно и по старым, – рассудительно заметил Помор. – Мы же не артиллеристы, не ракетчики.

– Главное, что ледник Копченый на месте, – заметил Растов.

– И что нам с него? – поинтересовался Игневич. – Таковую копченость на бутерброд не положишь!

– А то, что по нему пойдут «Шамширы». Как и планировалось. А значит, у нас нет вопросов с операционным направлением: наша рота двинет параллельным курсом по вон той закраине! – Растов шевельнул лучом лазерного дальномера-целеуказателя, мазнув по обрамляющему ледник «поребрику» из валунов.

– Также обращаю ваше внимание, товарищ майор, – вмешался Лунин, – на важнейшие из свежих разведанных.

– Ну-ну.

– Во-первых, информация по крупным кораблям клонов подтвердилась. На месте и линкор «Камбиз», и авианосец «Севашта», и два фрегата. Также к ним прибавились какой-то неопознанный тралец и танкодесантный корабль проекта «Элан-Б»... А это значит, что, вероятнее всего, штабная ориентировка верна и нам предстоит иметь дело с Корпусом Стражей Мира.

– Вот правильно я говорил, Лунин, – устало вздохнул Растов, – что надо тебя в Академию Генштаба двигать! Аналитическими выкладками сыплешь – как из пулемета строчишь! Может, если ты такой умный, разъяснишь, отчего разведка твой Корпус Стражей Мира в упор не видит?

– Маскировка, товарищ майор!

– Допустим. Но где их замаскированные позиции? Предположить можешь?

– В кратерах.

– В каком из трех?

– Ну, я бы взял Лесбию...

– Скажи честно, название нравится?

– Нравится. Но не поэтому.

– А почему тогда?

– А вот минуту назад по данным радарной высотометрии новую карту отрисовало... И там видно, что в отличие от кратера Незванова Лесбия имеет по – над внутренней стенкой нечто вроде естественного пандуса. Удобно, стало быть, осуществлять маневр силами и выход на огневые рубежи.

– Ясно, – скучным голосом сказал Растов.

Майор вообще не верил, что на дурацком планетоиде сыщется хотя бы горсть исправных клонских танков. Или хоть один взвод противотанкистов. Он-то как раз, истосковавшийся по доброй драке, хотел, хотел верить! Но не мог себе представить таких мер маскировки, такого тактического искусства, которое упрячет от всевидящего ока космической разведки ни много ни мало – целый танковый батальон!

Ну то есть такое бывает.

В фильмах.

Взять хотя бы следы гусениц... Они же видны по-любому! И остаются навсегда! На Фраскии ни ветра, ни дождей! Чтобы замести их, нужны сотни солдат со спецоборудованием модели «метла». От каковых солдат, в свою очередь, останутся следы, превосходно различимые визуально...

В общем – сказки Венского леса. И точка.

Все шло настолько планомерно, чинно-благородно, что когда в космическом ущелье меж планетоидами блеснули голубые звездочки, ни один гвардеец первого батальона ни на секунду не заподозрил, что это – дюзы-корректоры восьмисотмиллиметровых снарядов линкора «Камбиз»...

К счастью, автоматика зенитчиков опередила человеческую мысль.

– Внимание, воздух! – рявкнул в наушниках Кармацкий, заведующий батальонной ПКЮ. – Артналет главным калибром!

– Рота – полный вперед! – заорал Растов так, что казалось, его услышат сквозь тысячи километров вакуума на флагманском «Рюрике».

Помор, не переспрашивая и даже не вдумываясь в смысл команды, немедленно отработал ее, и их стотонный «Динго», доселе пребывавший в состоянии, близком к невесомости (сила тяжести на планетоиде была гомеопатической), одарил всех бодрящей продольной перегрузкой в три «же».

От перегрузки у Растова сразу заныли все недолеченные раны – ведь все-таки времени с госпиталя на «Иоанне Кронштадтском» прошло совсем немного.

Распахивая реголит до панциря извечного метанового льда, танки понеслись расходящимся веером – так что, казалось, еще чуть-чуть, и наберут здешнюю первую космическую скорость, уйдут на орбиту...

– Помор, давай легче! Легче! А то сейчас ка-ак полетим... Прямо на стыковку с «Суворовым».

– Да помню я, не дурной, – огрызнулся Помор.

Восьмитонные клонские сувениры были нещадно избиты в полете зенитками и ракетами самоходных ЗРК «Вспышка-С», которые только-только выгрузились из ТДК «Иван Рубан».

Но в отличие от тонкостенных ракет старой доброй классике – снарядам «ГК» – все было по барабану. Едва выйдя на опорную орбиту планетоида Фраский-Лед, они прянули отвесно вниз и взорвались, засыпая исходный рубеж русских друждантов противотанковыми реактивными бомбами.

Это было очень неспортивно.

И очень эффективно.

Два эллипса рассеивания пришлось на роту Растова. Два – на вторую роту (матчасть – тяжелые «Т-12»). Еще три – на «Т-10» второго батальона. И еще где-то сотня боеприпасов улетела к танкодесантному кораблю «Рубан» – на головы расчетам ЗРК «Вспышка-С».

Реголит, выброшенный ввысь из-под гусениц танков, полотнищами зловещих декораций повис над плацдармом «Топаз».

Вспышки разрывов реактивных бомб потонули в черных тучах – так что лишь спустя полминуты поднявшиеся выше реголитовых завес белые воланы ледяной пыли обозначили места падений.

– Здесь «сорок второй»! – Голос комвзвода-1 Галушкина срывался. – Подбит, разгерметизация, нужна помощь!

– Приказываю покинуть машину!

Растов знал, что хозяйственный Галушкин будет держаться за свой счастливый «сорок второй» до последней возможности. Под шквальным пулеметным обстрелом, к примеру, это имело бы смысл. Но сейчас, когда в любую секунду с низкой орбиты мог прилететь очередной смертоносный гостинец...

– Вас понял, выпол... – Ответ Галушкина потонул в грохоте взрыва.

За сплошным валом реголитовых облаков взрыв не было видно еще секунд пять. Наконец на экране перед Растовым появилась донесенная видеокамерой заднего вида съемка: кувыркающаяся в полете башня «сорок второго».

– Твою ж мать, – прошептал Растов, сглатывая огненно-горький кус отчаяния.

– Чего там? – спросил Помор.

– Галушкин погиб.

– Господи...

При планировании операции «Метель» к артиллерии линкора «Камбиз» отнеслись исключительно серьезно все чины флотской иерархии.

Именно из-за «Камбиза» эскадр-капитан Трифонов отказался от фронтального прогрызания минных полей.

Именно его, «Камбиза», главный калибр заставил держаться вдалеке и «Белоруссию», и «Суворов». И даже командование 2-го гвардейского авиакрыла в лице каперанга Бердника всерьез опасалось получить картечью в упор по атакующим эскадрильям торпедоносцев.

Но отчего-то никто из флотских – а именно они верховодили в планировании – не подумал, что «Камбиз», используя стрельбу на ослабленных зарядах, применит свои мощнейшие 800-мм орудия против танков десанта!

Стоило разорваться первым снарядам «Камбиза», как наэлектризованный эфир затопила командирская истерика.

– Здесь Броня-1! Здесь Броня-1! – Это был, конечно же, комполка-12 Кунгуров. – Мои танки накрыты ГК «Камбиза»! Это форменное безобразие! Прошу Воздух-1 принять меры! Немедленно!

Ему ответил лично эскадр-капитан Трифонов, командующий эскадрой:

– Здесь Воздух-1. Проблему видим, решение ищем. Держитесь там!

Десятка истребителей барража «Гриф», которая по плану должна была использовать свои сверхдальнобойные ракеты «Р-401» «Альбатрос» против одиночных клонских флуггеров, драпающих в произвольном направлении, была немедленно перенацелена на перехват снарядов клонского линкора.

Благодаря «Альбатросам» – куда более массивным и могущественным, чем сравнительно легкие ракеты ЗРК «Вспышка-С», – следующие два залпа «Камбиза» удалось проредить.

В роте Растова потерь больше не было. Хотя «тэ десятые» из соседнего батальона очень даже зацепило.

Однако и клоны не сидели сложа руки.

Некий сведущий в своем деле клонский офицер нажал пару кнопок и привел в действие ближайшее к «Грифам» орбитальное минное поле.

Малозаметные космические мины серии «Вэста» сорвались со своих стационарных орбит и, кувыркаясь, полетели к истребителям барража.

«Грифы» были вынуждены резко менять траекторию и ожесточенно огрызаться из огневых точек самообороны. В общем, им стало не до прикрытия 12-го танкового...

Ситуацию спасла находчивость флагманского артиллериста, капитана второго ранга Овсянникова.

После двух минут головокружительно сложных расчетов, проведенных на парсере линкора «Белоруссия», бронированный гигант развернулся правым бортом к планетоиду Фраский-Базальт и изрыгнул восемь противобункерных снарядов.

Через полминуты начиненные силумитом касатки нырнули на глубину сто сорок метров, с изумительной легкостью прошивая слои сравнительно рыхлых силикатов.

Взрывы выбили из планетоида каменные фонтаны, отправив в полет тысячи тонн новорожденных метеоритов.

Без филигранного расчета флагманского артиллериста этот каменный мусор улетел бы к черту на кулички. Но благодаря образованию и сметке Овсянникова скопище новорожденных метеоритов обрушилось прямиком на ту часть каньона Удав, где затаился «Камбиз»!

Скорость метеорного потока по космическим меркам была невелика. Поэтому броня «Камбиза» выдержала перестук великанских молотов. Корабль не только уцелел, но даже сохранил боеспособность.

Однако колкое покрывало ледяной пыли обволокло линкор по самые кончики верхних антенн и ослепило его.

Также сотрясения повредили нежную электрику снарядных элеваторов.

В итоге «Камбиз» временно потерял возможность вести огонь даже по заранее пристрелянным рубежам. Чем не успех?

Этих подробностей, достойных документалистики будущего, Растов, конечно, не знал. Но главный результат был ему очевиден: их больше не обстреливали.

Понимая, что это неожиданное блаженство может прерваться в любую секунду, он вызвал командира опекаемых ими «Шамширов» подполковника Чадовича.

– Вижу твои танки перед собой, майор, – Чадович говорил так неспешно и обстоятельно, что решительный Растов сразу начал сердиться. – На стадо коров похоже... Будем на плановом рубеже кратера Лесбия согласно плану: через пять минут.

– А быстрее никак?

– Быстрее не хочется, майор. – Чадович был невозмутим. – Сцепления с ледником у «Шамширов» нет совсем. Поэтому летим... Движки накалились. Перегреть уже некуда.

– Понял вас, товарищ подполковник. Может, мы тогда уже резать начнем?

Растов имел в виду следующий этап плана: чтобы проложить дорогу через отвесные стены кратера Лесбия, его рота должна была пустить в ход плазменные резаки – красу и гордость тяжелых танков прорыва «Т-14».

Раскаленной плазме резаков вменялось выгрызть тоннель, создав сквозной проход в неприступной, почти отвесной скальной стене кратера. И уже по нему, по тоннелю, как на парад проследовали бы не только машины роты Растова, но и летающие пагоды Чадовича.

Да, в теории «Шамширы» могли преодолеть препятствие в виде вертикальной стенки и на инверсии вектора силы тяжести. На учениях некоторым экипажам действительно это удавалось – «Шамширы» летали даже через заброшенный корпус сталелитейного завода в Синандже.

Но были и «но».

Во-первых, страшный перерасход дейнекса. Во-вторых, опасность переворачивания на спину из-за потери устойчивости. А ведь это не учения...

Тем временем подполковник Чадович соизволил ответить:

– Резать пока не надо, Костя. Это ж демаскировка сразу... Не спеши, а то успеешь, как в народе говорят.

Спорить Растов не стал.

Чадович был старше по званию и ему, майору, не подчинялся. (Собственно, не подчинялся Чадович и комбату Зуеву – рота «Шамширов» числилась за 4-й танковой дивизией генерал-майора Святцева, а сюда, в 12-й танковый полк Кантемировки, была передана временно, для усиления.)

Да и был в медленных словах Чадовича несомненный резон.

В самом деле, ослепительные оранжевые вспышки от плазменных резаков, подсвечивающие снизу облако пара, осязаемо твердым столбом возносящееся на сотни метров вверх, – это демаскировка, это ориентир, о котором мечтает всякий комендор.

Достаточно одной порции снарядов с «Камбиза» по скученным перед кратером танкам – и рота Растова не существует...

Единственное, что приказал майор своим бойцам, – это загодя, еще до подхода Чадовича, аккуратно построиться в «коробочку»: три на три повзводно.

Сам Растов на своем командирском «Динго» занял место погибшего комвзвода Галушкина.

Замысел был в том, чтобы испарять породу посменно: сперва минуты две-три работают танки первой линии, затем – второй и, наконец, третьей. Ну а когда перегревает плазменные резаки третья, вновь вступает отдохнувшая первая.

Стоило танку Растова занять свое место в «коробке», как подала сигнал тревоги станция кругового обзора «Сармат».

Бдительная автоматика засекала приближение опасных целей с кормы.

– Что еще за новости? – заволновался наводчик Кобылин.

– Сейчас поглядим, – проворчал Игневич, разворачивая по целеуказанию «Сармата» головку поискового визира.

Растов бросил взгляд на экран и, ни черта не разглядев за ледово-реголитовым муаром, распрямился на подножке своего командирского кресла сбоку от казенника пушки.

Теперь его голова оказалась в командирской башенке, куда был выведен обычный электронно-оптический перископ.

Простым устройствам Растов всегда доверял больше, чем сложным.

Он покрутил верньеры перископа...

Навел на резкость...

И шумно, с облегчением выдохнул.

Танки «Шамшир» забыли занести в память парсера как «дружественные»! Система опознавала их как конкордианские и в каком-то смысле – но не в тактическом – была совершенно права!

– Что там, товарищ майор? – спросил Игневич, скрывая напряжение.

– У машинного интеллекта шарики за ролики заехали.

– Бывает... Главное, чтобы в нашу пользу.

Тем временем головной «Шамшир» выключил антигравитацию и опустился на пересыпанный мелкой крошкой ледник.

На планетоиде этот супертанк весил совсем немного. Иначе разрыхленный регулярными корпускулярными бомбардировками лед разошелся бы трещинами, раскатился отдельными глыбами. Здесь же он послушно принял гусеницы широкогрудого «Шамшира», отозвавшись лишь долгой судорогой, от которой легонько перекатились ледяные крошки.

Растов впервые видел вблизи, воочию этот трофейный конкордианский танк, знатно разрекламированный обеими воюющими сторонами (в видео – коммюнике, конечно, видел). И с немалым удивлением признался себе в том, что «Шамшир» ему неожиданно сильно понравился!

Танк больше не казался майору несуразно громоздкой горой много возомнившего о себе железа.

Его башня крутилась с завидной легкостью, углы бронирования корпуса виделись рациональными. Четыре плазменные пушки обещали безотказную и неотразимую огневую поддержку. А осознание того, что никакая расселина, никакое ущелье не остановят наступательный порыв гиганта, способно было нагнать страху даже на бывалых солдат врага.

Растову вспомнилось, как на новогодней, что ли, пьянке он с коллегами потратил долгий час на высмеивание «низколетающих»...

«Какое же мы были дурачье! Даже не знали толком, какое чудо хаяли...»

– Вот мы и приехали, – с расслабленной, пенсионерской обстоятельностью сказал Чадович. – Теперь можно пилить, резать и жечь.

Все-таки Лунин с Кунгуровым были правы. Танковый батальон Корпуса Стражей Мира на планетоиде имелся. Он был доставлен в каньон Удав танкодесантным кораблем проекта «Элан-Б». Оттуда военно-транспортные «Хастины» потащили танки прямо в кратер Лесбия – так что никаких следов гусениц на поверхности планетоида не осталось!

Затем, прямо из режима висения, «Хастины» выгрузили каждый танк в загодя отрытый машинами инженерно-саперной роты окоп. Каковые машины тоже доставили «Хастинами».

После чего все следы замели – сперва дюзами тех же незаменимых «Хатинов» на малой тяге, а потом вручную, силами саперов.

А напоследок все затянули сетями, задули маскировочной пеной, замаскировали реголитом.

Девятка «тэ четырнадцатых» роты Растова пересекала Лесбию по центральному озеру застывшей лавы, когда из угольно-черной тени, разлитой под южной скальной стеной, по ним ударили девятнадцать стволов.

Противник бил с малого расстояния, да вдобавок в борт.

И он, черт возьми, попал!

- Полундра!
- Здесь «пятьдесят третий»! Меня зацепили!
- Клоны!
- Но откуда?
- Всыпьте им кто-нибудь!
- Суки-и-и!
- Разгерме!.. здец!..

У Растова был твердый приказ: использовать только управляемые ракеты «Шелест», не бить снарядами. Флотские командиры не хотели, чтобы все орбиты в космическом ущелье между Фраскиями в результате танкового боя оказались забиты прошедшими мимо целей снарядами и их осколками.

Но тут уж было не до приказов – на кону стояли жизни его танкистов и само выполнение боевой задачи.

В клонов полетели не только управляемые ракеты «Шелест», но и разноцветные очереди малокалиберных пушек, гранатометов, а с пятисекундной задержкой – и бронебойные.

Напряженный как пружина, Растов наблюдал за результатами обстрела, не забывая при этом командовать:

- Первый взвод, второй взвод, делай как я! Третий взвод: поддерживает огнем с места!

«Динго» вошел в крутой вираж. Его сопровождала компактная стая из четырех бронированных монстров («сорок второй» погиб под артналетом «Камбиза», «пятьдесят третий» – только что получил от клонов снаряд и стоял без хода, так что два взвода были представлены лишь четырьмя машинами).

На несколько секунд «Динго» потерял контакт с поверхностью, взмыл в пустоту и исключительно удачно пропустил под гусеницами серию клонских кумулятивных.

Огненные змеи разрывов бросились вдогонку за танком Растова. Но машина неслась в облаке хрустального тумана из противозащитного диспенсера, неслась прочь, и ни одна капля раскаленного металла не запятнала ее камуфлированную шкуру.

Кобылин захватил в прицел крутой лоб клонского «Рахша» и угостил врага тремя сорокакилограммовыми гостинцами.

- Так его, Валя! – радовался Растов. – Без вазелина!

Да, это были «Рахши». Всего лишь «Рахши»! Старые, достаточно тихоходные средние танки.

Ни в чем не ровня «тэ четырнадцатым».

Но их было много – неожиданно много для такого удаленного безлюдья!

Они были вкопаны по башню.

Отлично замаскированы.

И укомплектованы отчаянными, озверевшими от холода и безнадёги пехлеванами. Людьями, проигравшими войну, которую они так самонадеянно считали выигранной еще в феврале!

По жестокой арифметике боя спустя полторы минуты последний танк роты Растова должен был навсегда замереть с четырьмя пробоинами в башне, разменяв свою жизнь на три левофланговых клонских машины. Однако за восемьдесят две секунды до этого рокового мгновения заговорили плазменные орудия головного «Шамшира», который наконец-то протиснулся через тесный тоннель.

Подполковник Чадович, хоть и был в радиообмене неспешен, обстановку оценил мгновенно.

Первые заряды плазмы он истратил на поражение тех «Рахшей», которые не подвергались огневому воздействию растовских «Т-14». А когда из тоннеля выползли еще четыре «Шамшира», Чадович приступил к массивованному подавлению всей позиции.

Двадцать потоков плазмы обрушились на стену кратера над клонским танковым батальоном. Вместо того, чтобы зажаривать «Рахши» поодиночке, Чадович спустил на них дымящуюся, раскаленную лавину, блокировав саму возможность стрелять.

Это подарило «тэ четырнадцатым» драгоценные мгновения передышки, и уравнение боя сразу же приобрело дружественный к русским машинам вид!

Растову, разбалованному наступательной операцией «Брусиллов», хотелось бросить в эфир что-то вроде: «Первая рота, вернуться к выполнению главной задачи, а этих пусть добивают «тэ десятые»!»

Но в тот день не шли за ними никакие «Т-10», равно как и «Т-12». Потому как второй батальон сейчас в полном составе наступал на выделенном ему участке ближе к кратеру Незванова, а «Т-12» как раз поддерживали их наступление, двигаясь следом.

Ну а клоны могли в любую секунду оклематься и наvertеть дырок не только в ценных машинах Растова, но и в боковой проекции «Шамширов». Так что это именно подполковник Чадович имел право сказать своим: «Вернуться к выполнению главной задачи, а клонов пусть добивают “тэ четырнадцатые”».

В итоге именно танкам Растова пришлось довести совместные ратные труды в кратере Лесбия до логического завершения.

– Рота, внимание! Не расслабляться! Противника все видят? Кто не видит, смотрите координаты в памяти парсеров... И – в темпе! В меню еще горячие блюда, надо успевать!

## Глава 4

### Танки против «Лагашей»

*Август, 2622 г. Кратер Лесбия – каньон Удав Планетоид Фраский-Лед, система Посейдония*

Почти все «Т-14» получили по попаданию от «Рахшей», но фатально пострадали лишь две машины – «пятьдесят третий» и «шестьдесят второй».

Обе потеряли ход, имели в экипаже раненых и могли похвалиться разгерметизацией боевого отделения. Кроме того, был полностью уничтожен (похоже, со всем экипажем) «Протазан» – зенитный танк из взвода управления.

Зато нечеловечески повезло командно-штабной машине «К-20» из того же взвода – она отделалась лишь осколочными царапинами.

Офицерская честь требовала от Растова немедленно заняться помощью экипажам подбитых «тэ четырнадцатых» и аварийно-спасательными работами на груде металлолома, в которую превратился «Протазан». Требовала и в нетерпении стучала туфлей по трибуне.

Но острое чувство оперативной обстановки, неумолимое тиканье внутреннего хронометра гнали майора вперед.

Любое промедление сейчас могло привести к гибели всей роты.

Ведь бой с «Рахшами» Корпуса Стражей Мира (вот же Лунин накаркал!) не имел никакого отношения к ближайшей задаче дня, а был лишь досадной помехой на пути к ее выполнению.

А в ближайшую задачу входило уничтожение ТЗРК – тяжелых зенитно-ракетных комплексов «Лагаш».

Ракеты этих комплексов держали под прицелом непроходимую стену минного заграждения. Из-за них погибли уже два тральщика, пострадали «Гриффы» и именно из-за них ни один флуггер 2-го гвардейского авиакрыла с борта «Рюрика» не мог поддержать атаку 12-го полка.

Это значило, что Растов сейчас держит в своих руках ключ к успеху всей операции и его долг – не пролюбить его.

– Товарищ майор, проходы найдены! Обозначаю их флюоресцентными вешками! – Это был Лунин, Кассандра в гермокостюме.

На старых картах Главдальразведки западная стена кратера Лесбия была обозначена как крутой трехсотметровый вал. Вдобавок обледенелый. Но, к счастью, за последние двести лет Фраский-Лед многократно подвергался интенсивной метеорной бомбардировке – уже втайне от Главдальразведки. В числе прочих, два метеорита упали прямым ходом на западную стену Лесбии, частично разрушив ее и расплескав лед неопрятно оплывшими барханами.

Именно за счет них, этих ледовых барханов, из центра кратера проломы не просматривались. Но Лунину на юркой командно-штабной машине «К-20» удалось там все как следует разведать и путь для танков отыскать.

«И не побоялся же, гаденыш», – с одобрением подумал Растов.

– Товарищ подполковник, – вызвал майор Чадовича, – пожалуйста, подберите моих орлов у разбитых танков. Я знаю, этим делом должна заниматься моя рота. Но время не ждет. Можете считать это личной просьбой. Буду вашим должником.

Некоторое время Чадович молчал – по-видимому, прикидывал, как лучше разыскать с Растова упомянутый им должок. Наконец придумал:

– Подберу, конечно. Будешь должен три литра хреновухи. Муромской. Настоящей, крестьянской. А не этого говна серийного... Потому как у меня зреет юбилей... Ты, кстати, приглашен.

«Муромская хреновуха? Крестьянская? Это мы можем. Благо Мирошник с Мурома», – подумал Растов. Но, чтобы не слазить, ответил Чадовичу предельно коротко и расплывчато:

– Попробуем.

Вслед за тем майор приказал роте следовать на вешки Лунина, а сам призадумался над изведением «Лагашей».

Для любого танка зенитно-ракетный комплекс – лакомая, легкая цель. «Лагаши» с их шестиосными пусковыми установками размером в два железнодорожных вагона исключения не составляли. Так что сами по себе ТЗРК были врагом несерьезным...

А кто серьезным? Серьезным, а заодно и самым страшным врагом Растова сотоварищи была неизвестность.

Где размещены истинные позиции «Лагашей», а где ложные?

Неизвестно.

Сколько их вообще?

Неизвестно.

Точное местоположение в каньоне Удав даже таких огромных объектов как авианосец «Севашта» или фрегат «Гита» – и то под вопросом! Глубины у каньона были двести метров и более, до шестисот. Так что танки Растова, подойдя к краю каньона почти вплотную, по-прежнему клонские корабли визуально не наблюдали. Что уж говорить о пусковых установках зенитных ракет!

– Товарищ майор, нашим «Шелестам» целеуказание нужно. Разрешите запустить ракету-разведчик, – это был Игневич.

– Нужно-то нужно, Миша, но демаскируемся ведь.

– Да сколько можно тихариться?! – В голосе Игневича клокотало раздражение. – Мы уже, кажется, с этим перебрали!

– Не только в том дело, что демаскируемся, – с вкрадчивостью ведущего ток-шоу вступил в разговор деликатный Лунин. – Главное, разведзонд в габаритах «Шелеста» слабават по оптике. Его собьют быстрее, чем он успеет вскрыть все позиции ТЗРК.

– Ты так говоришь, будто у тебя есть что предложить, – заметил Растов.

– Есть. Только выслушайте до конца. Предложение неуставное, – предупредил Лунин.

– Вперед.

– Ускорение свободного падения на планетоиде – одна сотая земного. Я тут посчитал, что любая наша бронеединица может безболезненно прыгнуть вниз с двухсотметрового обрыва. Разгон силой тяжести будет таким медленным, что падение займет порядка пятидесяти секунд и в момент касания с поверхностью вертикальная компонента скорости не превысит семи метров в секунду.

– В школе учились, товарищ капитан, – это был Игневич. – Понимаем.

– Так вот, с обрыва прыгну я, на своей «К-20». Глаза и уши «К-20» получше, чем у любых «Шелестов». Поэтому за первые пятнадцать секунд полета я вам отмаячу полную картинку. А как только получите от меня картинку, бьете всеми «Шелестами», что есть.

Растов одобрительно крикнул.

– Вот эта часть плана мне нравится! Но ты-то как? Как назад?

– Никак.

– То есть?

– На пятидесятой секунде мы с «К-20» падаем на дно каньона, резко разворачиваемся влево и уходим по каньону на юг. Драпаем, грубо говоря.

– То есть ты решил самоубиться, – недовольно резюмировал Растов.

– Почему же? В полете они могут достать меня только зенитной ракетой. Но ее убойные элементы мою броню не возьмут... А на земле для меня опасны только «Рахши». Но ведь не обязательно же они там есть? – Лунин, казалось, рассуждал вслух.

– А про зенитки «Севашты» ты забыл? Да из тебя без диспенсера противолоазерной защиты сделают отбивную по-сочински!

– Что это еще за отбивная по-сочински?

– Это когда на гриле.

– Но альтернативы нет, – с улыбкой висельника заключил Лунин, отличник боевой и политической. – И вот еще что: на моей стороне – ярко выраженный эффект внезапности.

Растов помолчал немного и согласился.

– Приказываю начинать... хм... падение.

Штабная машина «К-20» стрелой вылетела за край обрыва и медленно, словно во сне, начала свое нисхождение в преисподнюю каньона.

Растов очень волновался, хотя и не подавал виду. Вся эта идея, черт возьми, представлялась ему скверной!

Но надо было отдать должное соображалке Лунина: толк в этом сомнительном предприятии имелся. На машины роты сразу же хлынули потоки такой нужной информации – парсеры прямо-таки обжирались ею!

От панорамы, переданной с борта «К-20», захватывало дух!

В северной стороне каньона, над непривычно близким горизонтом, возвышалась башня главного калибра линкора «Камбиз».

Перед линкором затаились танкодесантный корабль проекта «Элан-Б» («Он и доставил на планетоид Корпус Стражей Мира», – сообразил Растов) и по-клонски основательный эскадренный тральщик «Сашав».

Еще ближе, едва различимые, простерлись вдоль стен каньона две корабельные стоянки, закрытые маскировочными сетями.

Одна из них была пуста. В другой золотились дюзы фрегата.

Сбоку уходил на восток особенно глубокий и глухой отнорок.

В нем, судя по всему, стоял еще какой-то корабль, но информация о нем была недостаточно детальна, так что с опознанием имелись проблемы. Впрочем, по мнению флотских, «Гита» тоже присутствовала в каньоне, и следовало предположить, что там стоит именно она.

А совсем близко – казалось, «К-20» пролетает прямо над ним – серел авианосец «Севашта».

Как и положено тяжелому авианосцу, он состоял почти сплошь из бескрайней летной палубы – и лишь кормовая часть была занята зализанной надстройкой, обрамленной четырьмя пилонами с орбитальной двигательной группой.

Десятки спонсонов, засеянных башнями зенитной артиллерии и пусковыми установками ложных целей, терялись на фоне грандиозных бортов корабля – космодрома. Но скромные размеры башен ПКО не вводили Растова в заблуждение – любая из этих пушек могла уничтожить командно-штабную машину Лунина серией метких выстрелов за пару секунд.

Оставалось надеяться лишь на то, что свободнопадающая бронемашина «К-20» едва ли входит в список типовых целей клонских зенитчиков и, стало быть, отсутствует в памяти систем управления оружием. Из-за чего на опознание и выработку решения уйдет время, может быть, даже целая минута. А это именно те шестьдесят секунд, которых с лихвой хватит Лунину, чтобы достичь земли и выйти из сектора обстрела.

И, наконец, уже по другую сторону от «К-20», в полукилометре по каньону к югу, имелся еще люксогеновый танкер какого-то клонского военфлотского проекта. До которого Растову, если честно, не было никакого дела.

Все эти данные про диспозицию эскадры «Сефид» были, конечно, весьма ценны. Но...  
– Но где же эти долбаные «Лагашы»?! – не выдержал Растов. – Лунин, прокомментируй.  
– Ищем, товарищ командир. – Голос капитана выдавал крайнее напряжение. Он тревожно дребезжал и доносился будто через полгалактики. – Они, сучки, все в холодном режиме. Не излучают ни хрена!

– Но они же огромные! Их должно быть видно невооруженным глазом!

– Рельеф очень сложный. Складки, расселины... Хорошо вижу только прямо под собой. А дальше – так, не особо... Ну ничего, я их сейчас спугну, – решил капитан.

И не успел Растов закричать «а-атставить!», как пушка в приземистой башне «К-20» метнулась вправо и вlepила длинную очередь бронебойно-трассирующих прямо в корму «Севашты»!

Еле заметные искорки разрывов наглядно проиллюстрировали исполинские масштабы клонского авианосца.

Казалось, спящий великан даже не заметил булавочных уколов.

Но уже через секунду стало очевидно: заметил.

И не только он.

Два протяженных спонсона в корме авианосца, утыканные установками ПКО, осветились серией вспышек.

Между авианосцем и неопознанным летающим объектом, как была классифицирована машина «К-20» клонскими комендорами, встала стена разрывов разномастных противоракетных ловушек.

Также на машину Лунина обрушились импульсы зенитных лазеров. Но из-за того, что очередь снарядов, выпущенная из отвернутой на борт и частично в корму пушки, придала ей дополнительное ускорение в двух плоскостях, «К-20» изменила траекторию и одновременно с этим закрутилась штопором.

Импульсы лазерпушек прошли мимо.

– Я бы Лунину орден дал за смелость! – воскликнул впечатленный Игневич.

– А я за дурость, – буркнул Кобылин.

– Я думаю, он и без ордена счастлив будет, если внизу на все колеса станет, – заметил Растов, играя желваками. Майор волновался: Лунин явно попал в передрагу, хотя еще и не осознал этого, а помочь ему чем-либо Растов ну никак не мог!

В радиообмене вновь появился Лунин.

Он пребывал в радостном возбуждении.

– Есть ТЗРК! Заработали! Ловите координаты!

– Спасибо, век не забудем, – ответил Растов.

Он поймал себя на мысли, что отвечает Лунину как ожившему покойнику. *Временно ожившему покойнику.* В глубине души он не верил, что вся эта авантюра с полетом по пологой параболе может кончиться для его заместителя хорошо или хотя бы не очень плохо.

В общей сложности удалось вскрыть четыре батареи «Лагашей».

Все свои тяжелые ЗРК клоны разместили весьма изобретательно.

Две позиции были привязаны к фрегату «Гита» (да, это был именно тот фрегат, что занимал глухой и темный аппендикс каньона – «К-20» твердо идентифицировала его по сигнатуре радаров). Таким образом выходило, что эти пусковые установки «Лагашей» прикрыты высоким бортом фрегата и защищены его же средствами объектовой ПКО.

Третья позиция находилась по левому борту «Севашты», а четвертая затаилась на дне похожего на амбу провала под пустой стоянкой напротив фрегата «Ахваз».

Все танки Рацова немедленно выпустили «Шелесты». Но не успели ракеты пройти даже первый километр, а майору уже было ясно, что надежно накрыть все шестнадцать пусковых установок не выйдет.

А сколько выйдет?

В последовавшей сверхбыстрой дуэли средств защиты и нападения, которая разыгралась над каньоном, двадцать один «Шелест» был сбит.

Остальные взорвались в районе целей.

Но «взорваться в районе целей» не всегда означает цель поразить...

Как бы там ни было, в ту секунду Рацова больше всего беспокоила судьба отважного Лунина и его экипажа. Майор приказал Помору двинуть «Динго» к краю обрыва – так, чтобы видеть дно каньона в районе падения «К-20».

Они успели в самую последнюю секунду.

Штабная машина, которую башенному стрелку удалось худо-бедно стабилизировать, выпуская очереди снарядов в направлении, противоположном вращению, с лету ударилась левым боком о заледенелый грунт...

Подпрыгнула...

Снова ударилась, на этот раз о пятиметровый валун...

...И, пробалансировав на колесах одного борта, «К-20» завалилась набок!

В таком положении командно-штабная машина продолжила скользить вперед. Учитывая мизерную силу трения, это могло бы продолжаться еще долго. Но вот «К-20» врезалась во внушительный ледяной сталагмит и, наконец, остановилась.

– Лунин, доклад! – потребовал Рацов, стараясь, чтобы его голос звучал буднично.

Однако ему никто не ответил.

В то же время мичман Игневич мрачным тоном резюмировал:

– Товарищ майор, мы по «Лагашам» как-то не шибко здорово отстрелялись. Я тут обобщил данные с борта ракет... Получается – девять пусковых еще в строю.

– Многовато, м-мать их клонскую за ногу.

– Вот именно.

– И что делать будем?

Решение озарило Рацова за доли миллисекунды:

– Что делать, что делать... Прыгать!

Ну конечно же: надо бросить танки вперед, в каньон, вслед за Луниным!

Во-первых, так они помогут капитану, если он, конечно, еще жив.

Во-вторых, чем ближе к ТЗРК, тем выше вероятность с ними разделаться...

Да, опасно.

Да, похоже на рождественский ужин в дурдоме. И начальство взвыло бы, заикнись он о подобном. Легко жить тому, кто нахален как ворона, дерзок и безрассуден. Об этом еще Будда ученикам говорил!

Но если смотреть на вещи непредвзято... а почему он, сын Председателя Рацова, не может себе позволить смотреть на вещи непредвзято?

– Рота, ориентирую! – взревел Рацов. – Уцелели девять пусковых ТЗРК. Задача: сблизиться, уничтожить огнем и гусеницами. Для этого: прыгаем в каньон!

Выждав пару секунд, чтобы подчиненные переварили эту, самую экстравагантную порцию информации, майор более спокойным голосом добавил:

– Перед прыжком примите во внимание два момента. Первый: скорость отрыва должна быть небольшой, километров двадцать. И второй: проявите терпение, огонь в полете не открывайте. Импульс отдачи дестабилизирует машину, можно приземлиться на крышу... Как поняли?

– Товарищ майор, вы прямо как из кино, – сказал, смиряя испуг, Ченцов – последний оставшийся в строю взводный командир из трех (Осокин выжил, но после боя с «Рахшами» обезлошадел).

Остальные радовались молча.

## Глава 5

### Танки против «Севашты»

*Август, 2622 г. Каньон Удав Планетоид Фраский-Лед, система Посейдония*

Полет стотонных русских танков на дно каньона Удав проходил под аккомпанемент цепи рушащихся костяшек тактического домино.

С борта «Белоруссии» сразу же засекли поражение половины «Лагашей» и пропорциональное падение огневых возможностей ПКО дальней зоны.

Не медля ни секунды, на минное поле набросились тральщики специализированной постройки и импровизированные разградители на базе канонерских лодок «Андромеда KS».

В то же время две эскадрильи – штурмовиков «Белый ворон» и истребителей «Орлан», – получив координаты первого проделанного тральщиками прохода, едва не цепляя боевыми подвесками ледяные холмы, помчались на выручку танкам 12-го полка.

Ну а танкисты подполковника Чадовича и второй роты на танках «Т-12» (эти обошли кратер Лесбия стороной, протиснувшись вдоль ледника Алмазный) вышли на гряды высот, откуда открыли беглый огонь, по мере сил поддерживая отвагу и безрассудство чудо-богатырей Радова.

Тяжелее всего для майора оказалось выполнить собственный приказ и в течение пятидесяти семи секунд, а именно столько заняло их падение в бездну, не осыпая снарядами ненавистных клонских инсургентов.

Сейчас, когда их корабли и флугтеры, боевые машины и серебристые фигуры Радов видел воочию, руки сами тянулись к органам управления огнем...

Кровь погибших товарищей, погибших уже после победы, взывала к отмщению. Ведь ее пролитие казалось вопиюще несправедливым даже на фоне несправедливости всякой войны...

Посадка вышла мягкой. Все благодаря умнице Помору, который загодя раскрутил гусеницы в точности до той скорости, с которой им предстояло соприкоснуться с землей.

Полетели в стороны голубые искры, снежная пыль, неясного происхождения (завозной?) щебень...

«Динго» сразу же направился к лежащей на боку командно-штабной машине Лунина.

– Игневич, готовься к выходу! – приказал Радов. – Кобылин, предупреждаю, будет разгерметизация.

– Да ясен пень будет, если Игневич выходит, – проворчал вечно недовольный наводчик.

Помор остановил «Динго» впритирку к «К-20» Лунина.

Радов готовился прикрыть Игневича огнем пулеметов, а Кобылин загнал в пушку осколочно-фугасный с установкой на картечь, чтоб если сунется какой поганый спецназ «Скорпион», так сразу и высказать ему наболевшее на языке грубой силы.

Мичман проверил герметичность скафандра и, сопровождая свои действия каким-то незнакомым Радову старческим кряхтением, а то, пожалуй, и кудахтаньем, открыл люк.

С пивным шипением воздух покинул боевое отделение танка. Радов с Кобылиным очутились в негостеприимном межпланетном вакууме.

Игневич сделал слишком резкое движение и... вылетел из машины сразу на пять метров вверх.

Это было бы комично, если б не смертельно опасно. Ведь могут же подстрелить!

Но имелся и плюс: с высоты Игневич еще раз внимательно оглядел окрестности «К-20» и удостоверился, что врагов поблизости нет.

К огромной радости Радова, в эфире прорезался Лунин.

– Лежим на боку... Корпус пробит, разгерметизирован... Саидов убит... Я блокирован упавшей стойкой... Остальные не отзываются...

Скрывая радостное возбуждение, Растов, как мог, спокойно спросил:

– Почему раньше молчал?

– Не мог... наладить.

– Слушай, мы сейчас рядом с твоей машиной... Как думаешь, если мы ее на колеса поставим, будет лучше или хуже?

– Мне лично – лучше. Про ребят – не знаю.

– Тогда потерпи немного, сейчас организуем.

При помощи Игневича завели трос, сдали немного назад, и «К-20» приняла свое привычное положение «к лесу задом, к Растову передом», как пошутил Помор.

Затем Игневич помог Лунину вылезти.

Из лунинского экипажа подали голос еще двое: Кисляков и Дорозин. Они были живы, хотя и зажаты деформированным оборудованием.

В растовский «Динго» вся эта героическая троица, конечно, влезть не могла.

Поэтому было решено: Лунина – в «Динго», остальных – в другие машины.

От этого приказа никто в восторг не пришел – лишние люди на борту, развернуться негде, теснота и неудобство. Но вслух, ясное дело, не роптали.

Растову вдруг вспомнилось, как он, в такой же точно тесноте, вез спасенную из лап чокнувшегося заотара Нину... Но он отогнал это сладостно-тревожное видение прочь. Воевать гораздо легче, когда мир, где существуют атласные простыни цвета молочного шоколада, ванны с солью и дорогие вина, объявлен параллельным и практически несуществующим.

Стоило Лунину занять место в башне «Динго», скрючившись на броневом кожухе автомата заряжания, как подоспевшие штурмовики выпустили по клонам тридцать шесть увесистых «Мурен».

Авианосец «Севашта» и тяжелые ЗРК немедленно огрызнулись гигаваттами энергии и десятками тонн смертоносной стали.

В эфире появился Зуев.

– Растов, если уж ты изволишь летать на танках, как на флугтерах, – начал комбат с нескрываемым удовольствием, – поспеши немедленно помочь своим пернатым собратьям и подави наконец эти проклятые «Лагаши».

– Вас понял, приступаю к выполнению, – отчеканил Растов. И продолжил, уже почти задушевно: – Также считаю целесообразным спустить сюда «Шамширы». Их там, на бровке каньона, легко перешелкают. Слишком крупные и медленные.

– Передам Чадовичу, пусть сам решает, – нехотя ответил Зуев. Чувствовалось, что комбат боится отвечать в случае чего за «Шамширы», потерянные в ходе непредусмотренного планом маневра. Танки раритетные, можно сказать, коллекционные, начальство на них смотрит как на цацу...

Более ничего не препятствовало погружению Растова в пучину боя с головой.

За кормой командирского «Динго» чернел многогорбый верблюд люксогенового танкера «Хура». Поскольку никто не сомневался в том, что поле боя рано или поздно останется за русскими, танкер сразу полагали своей законной добычей и не обстреливали.

Дальше по каньону на необхватных посадочных опорах стоял пресловутый «Севашта». Слева от него, закрытые ледяными буграми, навалом пустых боеукладок и маскировочными сетями, прятались «Лагаши».

Но до них еще надо было доехать, чтобы расстрелять их в упор или раздавить гусеницами, а «Севашта» уже был как на ладони – стреляй – не промахнешься! Поэтому пока рота

Растова рвалась к «Лагашам» вдоль левой стены каньона, орудия «тэ четырнадцатых» непрерывно изрыгали огонь и сталь.

Снаряды рвались на кормовых спонсонах авианосца, приводили к молчанию лазерпущечные установки, дырявили фровахар – государственный герб Великой Конкордии в виде крылатого солнца. (Фровахары, выполненные в виде нарочито архаичных бронзовых отливок, клоны крепили и в носу, и в корме своих боевых звездолетов.)

Растов не знал точных показателей бронирования «Севашты», да и не факт, что точные данные по нему вообще были вскрыты разведкой. (Конкордианцы всегда разводили вокруг своих кораблей такую секретность и запускали в оборот столько дезы, что Генштаб ВКС до самого конца войны не знал даже точного и полного перечня клонских авианосцев!) Поэтому майор не был уверен, удастся ли его танковой пушке прошивать насквозь все слои защиты вражеского корабля. Казалось, для «Севашты» все их огненные посягновенья – булавочные уколы.

А ведь Растов помнил, что после решения первой задачи – подавления «Лагашей» – он должен всемерно способствовать выполнению второй и главной. Русским танкам следовало – ни много ни мало – заставить вражеские звездолеты покинуть укромный каньон, чтобы их наконец мог изорвать в клочья главный калибр линкоров и торпеды лихих фрегатов...

По сути, «Динго» с другими «Т-14» играли роль охотничьей своры, призванной выгнать медведя из берлоги.

Вдруг снаряд, выпущенный соседним танком, прошел мимо очередной зенитки и угодил в одну из многочисленных дюз, золотившихся хризоломом на серой броне кормового среза.

Полыхнул взрыв – да такой мощи, что «Динго» подбросило.

Разлетевшаяся на куски дюза пронеслась над танками косым метеорным дождем. Из рваной дыры хлынула бурлящая, дымящаяся жидкость – вероятно, содержимое контура охлаждения.

– Так вот куда надо бить! – обрадовался Кобылин. – Разрешите, товарищ командир?

– Можно.

Кобылин принялся азартно обстреливать одну из пяти огромных дюз «Севашты».

Увы, ничего похожего на уже виденный метеоритный дождь ему добиться не удалось. Наводчик громко ругал судьбу, а Растов молча думал о том, что слишком сильный взрыв – это тоже плохо, и, возможно, их ангелы-хранители именно сейчас стараются всюю.

Интересно получилось с флуггерами, которые прилетели поддержать атаку танкистов.

Ракеты «Лагашей» загнали их на сверхмалые высоты, прямо в каньон. Только там, едва не цепляя плоскостями обледенелые обрывы и причесывая брюхом гребни торосов, они могли чувствовать себя в относительной безопасности.

Поэтому два эшелона атакующих танков – «тэ четырнадцатые» и «Шамширы» – двигались в самом тесном сопровождении с воздуха. Зонтик из тридцати штурмовиков и «Орланов», изрыгающих огонь и огненные кометы ракет, над новейшей бронетехникой Великорасы – такое великолепие просилось прямо на батальное полотно.

И клоны дрогнули!

Когда Растову уже показалось, что, даже заехав напрямик на посадочные опоры «Севашты», они не смогут вынудить к бегству флегматичный гигант, авианосец пришел в движение.

Без малейшей тряски он вдруг оторвался от дна каньона и взмыл ввысь сразу на десятки метров, поддерживаемый столпами голубого плазменного выхлопа.

В эфире это зрелище нашло благодарных комментаторов.

– Улепетывают!

– Скатертью дорожка!

– И правильно, пошли н-на!

Растов тоже вздохнул с облегчением. Огромное число неподавленных зениток по левому борту портило ему весь боевой настрой, ведь сейчас его танкам предстояло давить позицию «Лагашей». А эта задача, по сути, достаточно тривиальная, из-за близости зубастого «Севашты» превращалась в сложную и чреватую большими потерями.

Однако майор рано обрадовался.

Вместо того чтобы набрать скорость и убраться подальше, авианосец отполз вдоль каньона до траверза фрегата «Гита» и, задиристо качнувшись, развернулся на русских своим стальным рылом.

Ни дать ни взять – акула в атаке!

«Тэ четырнадцатые» обрушились на хрупкие пусковые установки «Лагашей»...

Носовые батареи «Севашты» разразились фотонным смерчем...

Слаженно ударили плазмопушки «Шамширов»...

Битва входила в свой апогей.

Растов с наслаждением всадил серию осколочно-фугасных в черный парус радара «Лагашей». В тот же миг проскочившее над головой звено штурмовиков очередями автоматических пушек заткнуло самую опасную батарею на карнизе нижнего бронепояса «Севашты»...

В итоге командир авианосца отказался от своего отважного намерения вести дуэль с русскими танками. «Севашта» стремительно набрал высоту и уполз куда-то на север.

Настроение майора резко пошло в гору.

В эфире появился Зуев, его голос был хриплым и, чего уж там, сердитым.

– Растов, воюешь молодец! Но не увлекайся, слышишь?!

– Слышу, слышу, – пробубнил Растов.

– Дальше по каньону не иди, – продолжал Зуев. – Выкуривай «Гиту» из ее берлоги. Огнем выкуривай! И стой, жди подкреплений.

– А может, сразу до «Камбиза» рвануть, а, товарищ подполковник? – несмотря на интонации спокойного, бывалого удава, Растов был действительно опьянен боем, это обстоятельство чуткий Зуев очень верно поймал.

– У «Камбиза» «ГК» – восемьсот миллиметров. Он даже если холостым даст – тебя в космос нахер сдует! – сказал Зуев. – Главное, что «Севашту» с насеста сковырнули. «Камбиз» за ним сам потянется, как теленок за мамкой. Твоя цель – ближайший фрегат. То есть «Гита».

– Ну фрегат так фрегат, – вздохнул Растов.

## Глава 6

### Танки против «Гиты»

*Август, 2622 г. Каньон Удав Планетоид Фраский-Лед, система Посейдония*

«Гита» оказалась еще опасней «Севашты».

Казалось бы, что там того фрегата? Четыреста метров стальных кишок под тонкой титановой шкурой. Сорок шахт ракетных и торпедных пусковых установок – в такой ситуации для танков совершенно неопасных. Сотня усталых, деморализованных, плохо питающихся людей, каждый из которых не в силах дожидаться ночи, чтобы хоть во сне наконец обрести химерическую свободу от опостылевших оков присяги, долга, обязательств...

Но если большинство других фрегатов для самообороны располагало лишь лазерными зенитками вроде тех, что стояли на авианосце «Севашта», то «Гита», модернизированная накануне войны по проекту «Улучшенный Киш», имела в своем арсенале три спарки автоматических стосорокамиллиметровых орудий.

Для сравнения: рота Растова после понесенных потерь тоже располагала шестью стволами достаточно близких по характеристикам пушек. Выходила, черт возьми, честная дуэль с яркими звездами в секундантах!

«Белые вороны» расстреляли по «Севаште» боезапас до последнего бронебойно-зажигательного и убрались восвояси.

«Орланы», гордые обитатели граничного слоя X-матрицы, выжгли все топливо и тоже были таковы.

Оставались еще «Шамширы» и их многочисленные плазмпущки. Но минимальный загабаритный радиус излучения эмиттеров щита у проклятой «Гиты» был всего-то двадцать с небольшим метров. А значит, ей было достаточно приподняться работой днищевых дюз на высоту девятиэтажки, чтобы безо всякой опасности для своей устойчивости закрыться от плазмы «Шамширов» коконом непробиваемого поля.

Автоматические пушки «Гиты» пропахали перед «Динго» глубокую борозду, осколки посекали навесное оборудование, пятый снаряд серии ударил в левую скулу башни...

От сотрясения в танке что-то жалобно заскрежетало.

Мигнули экраны.

Протяжно заныл привод, затих и... башня остановилась! Кобылин отчаянно выругался.

Растов принял решение мгновенно.

– Помор, башню заклинило! Наводимся корпусом!

«Динго» резво крутнулся на месте. Пушка грубо навелась куда-то в середину корпуса «Гиты», и Кобылин немедленно выстрелил.

К сожалению, попали они совсем не туда, куда следовало бы. Вместо орудийной башни их снаряды раскурочили радиатор системы охлаждения. Вещь, конечно, ценную, но в бою не критичную.

– Назад! Все назад! – заорал Растов.

Но из шести танков роты только четыре смогли выполнить его приказ.

Из-за меткого огня «Гиты» танк номер 44 остался без ходовой, а машина комвзвода Ченцова застряла под рухнувшим ледяным карнизом...

В ответ ударили плазмпущки «Шамширов» Чадовича. Но плазма лишь без толку расплескалась по каньону, отразившись от силовых щитов неугомного фрегата.

Убравшись с линии огня «Гиты» за выпирающий из стены каньона протяженный каменный лоб, экипаж Растова смог посовещаться в относительно спокойной обстановке.

– Надо вырубить его щиты, – сказал Помор.

Растов не спорил.

– Ясное дело! – воскликнул он. – Но где эмиттеры? Целиться куда?!

– А мне почему знать? Нас такому не учили.

– Меня, как выясняется, тоже.

Неожиданно заговорил Лунин – он успел немного прийти в себя. Хотя голос у него был как у сильно пьяного гражданина вечером пятницы.

– Надо... расстрелять генератор щита... он... сильно греется... значит... на корпусе... должны быть... панели охлаждения.

Лунину возразил Игневич:

– Греется-то греется. Только в лобовой проекции мы его совсем не видим. Целиться надо в носовые эмиттеры щита.

– Ну а эмиттеры где? – осведомился Растов.

– Их под обшивкой не видно. Но по инфракрасному каналу должны проявляться. Такие... вроде как крестики.

– Крестики? – переспросил Кобылин. – Горячие?

– Наоборот, холодные. Там жидкий гелий циркулирует. Сверхпроводимость и все такое, – пояснил Игневич.

Эту мысль Растов донес и до других экипажей роты.

В последовавшем затем скоротечном огневом бою трем танкам удалось захватить единственное обнаруженное тепловизорами холодное пятно ровно по центру покатога лба «Гиты» и отправить туда добрую порцию стали. «Динго» в этом соревновании не участвовал по причине поломки башни и поддержал вылазку роты беглым огнем куда бог пошлет.

Растов с Игневичем сопровождали каждое попадание в область холодного пятна азартными матюгами. Однако визуально ничего не менялось. Если, конечно, не считать фонтанов искр – голубых, серебристых, изумрудных, – что сыпались из новых пробоев.

Наконец Растов сообразил, что выключение носового сегмента щита правильнее всего протестировать выстрелом плазменной пушки.

– Товарищ подполковник, – обратился он к Чадовичу, – ваша помощь нужна. Мы тут, можно сказать, научный эксперимент проводим.

– Эксперимент?.. Ну-ну. Что надо делать?

– Стреляйте по носу фрегата... Мы, кажется, сняли защитное поле!

Чадович не разделял веры Растова в чудо. Но просьбу все-таки выполнил.

И – ура!

Триста тысяч раз ура!

Все заряды плазмы прошли!

Нет, искалеченная «Гита» не поспешила исчезнуть в облаке взрыва. Однако сожженные носовые дюзы и обзорный радар заставили командира фрегата считаться с танками друджвантов.

Фрегат немедленно перенес огонь на танки Чадовича.

Потрепанная рота Растова получила передышку и, воспользовавшись ею, наконец-то смогла сосредоточиться на расстреле зловредных оружейных башен «Гиты».

Уже пора было начинать экономить снаряды. Но все понимали: сейчас нельзя. Самоубийственно даже!

А проклятые башни «Гиты», оказывается, были бронированы почище самих «тэ четырнадцатых»!

Правобортовая получила одиннадцать прямых попаданий. Но все равно нагло продолжала вести огонь!

Что же до плазмопушек «Шамширов», то и они, как оказалось, не могли прожечь такую основательную конструкцию.

Да тут еще, как назло, безумный мятежник Гайомарт (а впоследствии оказалось, что на борту фрегата в ту секунду находился не кто иной, как этот культовый клонский фанатик) повел фрегат в лобовую атаку!

На утомленные русские танки надвигался не просто стальной монстр весом в полмиллиона тонн, а стальной монстр, оседлавший огненный вал – переотражаясь от стен каньона, впереди фрегата неслась плазма маршевых термоядерных реактивных двигателей.

Танкам Растова было суждено попросту сгореть в этом передвижном аду...

Но их спасли. Спасли аутсайдеры наступления! Те самые «тэ десятые» комбата-2 Жевнева, которых сперва накрыл «Камбиз», а потом остановили глубокие расселины вокруг кратера Незванова.

Выиграв тяжелый бой с северной засадой Корпуса Стражей Мира, второй батальон по наведенным мостам прошел расселины, скатился по леднику Алмазный к каньону и ударил по «Гите» в двадцать пять стволов.

Огрызнуться «Гита» могла только четверкой лазеров защиты кормы, в то время как бронебойные снаряды «тэ десятых» легко дырявили и двигательные группы, и ракетные шахты фрегата.

Перед Гайомартом встал выбор: погибнуть, протаранив благообразно парящий строй роты Чадовича, либо бесславно бежать.

Возможно, Гайомарт стоял за геройскую гибель. Но у фрегата был свой командир – первый на мостике после Бога. И он выбрал спасение экипажа.

«Гита» круто набрала высоту и, поймав в корму еще с десятков снарядов, умчалась.

– Вот про такие коллизии и говорят «дали прикурить», – сказал Растов, широко улыбаясь.

– Интересно, что такое Гита? – спросил Кобылин у пространства.

– Женское имя, – ответил Помор.

– Откуда ты знаешь?

– Люблю смотреть клонские каналы по визору. Ну, до войны любил... Там женский состав всегда такой ядреный был! Так вот по каналу «Первый Благочестивый» показывали сериал «Бедная Гита», про крестьянскую девушку, которая пешком идет в город учиться. Поступает там в пединститут... А тут один преподаватель такой видный, с усами... Но жена-тый... Короче, серий двадцать просмотрел.

Лунин вежливо дослушал излияния Помора и выдал сухую справку:

– В данном случае Гита это название конкордианского города на планете Укбар.

– Что теперь-то, командир? – спросил Игневич.

– Не знаю, – ответил Растов. – Хотелось бы надеяться, что ничего.

## Глава 7

### Майор ГБ Илютин

*Август, 2622 г. Каньон Удав Планетоид Фраский-Лед, система Посейдония*

Вслед за «Гитой» прочь из каньона рванул фрегат «Ахваз».

Разрывая в клочья камуфляжную сеть и ведя бешеный, но неприцельный огонь по затянутому снежной взвесью ложу каньона, «Ахваз» поднялся на четыре километра и начал разгон для ухода в X-матрицу...

Не тут-то было! Строгий окрик Гайомарта с борта «Гиты» призвал командира «Ахваза» вступить в бой с флуггерами друджвантов. Ослушаться тот не посмел.

По всей логике, теперь должен был взлететь линкор «Камбиз». Но его командир отчего-то медлил...

Эти минуты неопределенности измотали Радова почище, чем сам бой. Майор привык доверять командованию и всерьез не думал, что его уполовиненную роту могут бросить дуэлировать с «Камбизом»... Но жизнь – она ведь богаче наших представлений о ней. Радов знал это как никто.

Поэтому какой-то частью своей бронетанковой души он был готов к дуэли с «Камбизом». Дуэли, проигранной с первой секунды...

Однако вместо «Камбиза» на поле боя внезапно возникли цели куда более соразмерные.

Казалось, что появляются они из ниоткуда – отвор тоннеля, выходящего из стены каньона в районе бывшей стоянки «Гиты», был превосходно замаскирован по-собачьи свисающим языком ледника.

Но в первую секунду всем было безразлично, откуда они взялись.

Понять бы, что это!

Автоматика танка быстро установила, что перед ними многоосные транспортеры, но не смогла определить их модель и, следовательно, назначение.

Ясно было, что машины клонские. Но служат ли они пусковыми установками баллистических ракет или водовозами, командно-штабными машинами или модулями передвижного госпиталя? Кто знает!

Танки Радова быстро распределили между собой цели и сопровождали их с хищным вниманием. Но с приказом на открытие огня майор медлил.

– Командир, уйдут ведь! – волновался комвзвода Ченцов, чей танк был к этому времени вытасен из-под завала «Шамширами». – Разрешите стрелять!

– Не разрешаю.

– Но почему?! Почему?!!

– А вдруг мирное население?

– Да откуда оно здесь возьмется?!!

– Неважно откуда. Стрелять без идентификации – не будем, – с мрачной степенностью постановил Радов.

Вклинился Лунин:

– Тогда такое предложение: пустить за ними два танка. Пусть расстреляют из пулеметов ходовую головной машины. И вреда никакого, и поехать они никуда уже не смогут! Будут вынуждены ждать, пока мы возьмем их в плен!

С этим здравым предложением Радов готов был бы согласиться. Если бы не «Камбиз».

Отправленные в погоню за клонскими машинами танки почти наверняка подставятся под огонь кормовых батарей клонского линкора. А рисковать своими экипажами ради того, чтобы пофорсить перед клонами... Нет, этого майор не хотел. Нафорсился.

Вдруг, пронесшись между «Динго» Растова и ченцовским «пятьдесят вторым» на высоте полета саранчи, на мониторах возник угловатый «Кирасир» редкой модификации «Nachtvogel» от европейской космоверфи «Daimler FRB».

Десантно-штурмовой флуггер гнался за уходящей колонной неопознанных колесных транспортеров. Не прекращая поступательного движения, «Кирасир» развернулся кормой к колонне, откинулась десантная аппарель, в глубине транспортного отсека забились огоньки. Осназовцы молотили из автоматических пушек.

Плотный поток снарядов перерубил третий транспортер, за ним – второй.

Кто бы там ни был на борту шустрого «Кирасира», по поводу «гражданских в колонне», он в отличие от Растова не рефлексировал.

– Вот это орел! – одобрительно осклабился Помор.

Но в азарте погони пилоты «Кирасира» забыли о том, о чем хорошо помнил Растов: о восьмерке гигаджоульных лазеров защиты кормы на линкоре «Камбиз».

«Кирасир» был для них слишком легкой целью. И, когда бортстрелки русского флуггера собрались разделаться с головным транспортером, зенитчики линкора нажали на спусковые педали...

Затаив дыхание от внезапности увиденного, экипаж Растова наблюдал, как «Кирасир» потерял огромный кусок обшивки из правого борта и, перевернувшись два раза, рухнул на дно каньона.

Если бы он взорвался, разлетевшись на тысячу мелких кусочков, за Растовым еще оставалась бы свобода выбора. Но искалеченная машина не развалилась – а значит, у нее на борту могли оставаться выжившие. Их надо было подобрать.

– Ну что же, Лунин, – вздохнул Растов, – придется нам принять твое предложение. Но рисковать будем все, чтобы по-честному... Рота, внимание! Направление – упавший «Кирасир». Вперед!

Но едва успели танки сдвинуться с места, как в наушниках Растова зазвучал незнакомый голос:

– Говорит майор госбезопасности гм-гм... Илютин. Вызываю командира танков гм-гм... «Т-14».

Это «гм-гм» было похоже на звуки, издаваемые конем. Растов, ни разу не конеборный, был уверен, что Илютин и похож, ну хотя бы чем-то похож на коня.

– Здесь майор Константин Растов. Командир первой роты тяжелого танкового батальона. Слушаю вас.

– Растов? Гм-гм... Рад знакомству. Я с «Кирасира»... Вы, наверное, видели.

– Да, конечно. Уже идем к вам на предельной скорости!

– Здорово, что на предельной. Но... гм-гм... в этом нет необходимости.

– Вам помощь не нужна? – уточнил Растов.

– Не нужна. Сами вылезем, – твердо сказал Илютин.

Майор прямо опешил. Если не нужна помощь, зачем же этот «гм-гм» вышел на связь?!

Илютин, к счастью, не стал скрывать своих чаяний:

– Прошу вас повернуть направо и заблокировать тоннель, из которого выехала клонская колонна.

– Принял. Если кого-то увидим – что? Огонь на поражение?

Судя по тому, как стрелки «Кирасира» минуту назад обошлись с колесными транспортерами, Растов ожидал ответа «Конечно, мочить их, сволочей!». Но Илютин и тут удивил:

– Никаких... гм-гм... поражений! Всех разоружать и брать в плен.

– Так точно!

Танки Растова не успели свернуть в пятисотметровый аппендикс, ранее служивший убежищем для «Гиты», как им навстречу из-за обваловки флуггерного капонира выскочили легковые мобили. С десяток где-то.

Выполняя пожелания Илютина, «Динго» дал предупредительный выстрел дымовым снарядом. Все танки роты разом включили боевые прожекторы и дважды мигнули ими. Мол, сливайте воду, мужики.

Один из мобилей попытался улепетнуть. Но танк с бортовым номером 63 ловко перерезал ему путь.

Мобиль вильнул вбок, уткнулся в сугроб и замер.

Другие покорно остановились. В самом деле, что они могли поделаться против танков?

– Товарищ Растов, ваша партия! – сказал Игневич.

– Я выступать не буду, некогда, – отмахнулся майор. – С пленными остается третий взвод, а мы продолжаем движение к тоннелю.

Еще две минуты езды – и вот наконец они у цели.

Поскольку все флотские чины как один твердили, что в системе Посейдония находится импровизированная база инсургентов, Растов, естественно, ожидал встретить здесь только легкие сооружения: наспех вырытые полукапониры, модульные казармы, оборудованные под жилье транспортные флуггеры и посадочные площадки из выровненного бульдозером реголита.

Собственно, все это он и увидел.

Но – не только.

А что еще?

Три полноценных бетонных дота.

Капитальный блокгауз неясного назначения.

И, главное, обрамленный тусклыми габаритными огнями зев тоннеля. Основательного, поперек себя шире: спокойно разъедутся два поезда. А может, и три.

Тоннель достаточно круто уходил в глубь планетоида, и потому разглядеть из танка можно было лишь первые сто метров тубингов, армированных изнутри гнутым двутавром. «Точно брюхо мумифицированного бронтозавра», – пронеслось в голове Растова.

Дальше тоннель перекрывали герметичные ворота.

Вот в чем был совершенно уверен Растов, так это в том, что отнюдь не инсургенты вырыли это все за последние горячие недельки.

Тогда кто?

Наверняка майор Илютин знал кто. Да только ему почему-то не сказал. «Не считай, понимаешь, достойным».

Тут, легок на помине, в наушники вернулся Илютин.

– Растов, вы уже... гм-гм... доехали до тоннеля?

– Да. Только что.

– Выдайте, пожалуйста, картинку в свой... гм-гм... батальонный канал.

– Даю.

Илютин несколько секунд молчал, оценивая увиденное. Затем удовлетворенно угумкнул и воскликнул:

– Дивно! Дивно! Ну что же... Мы тут задерживаемся минут на пять-десять... А на счету... гм-гм... каждая секунда. Прошу вас провести взлом дальней пары бронедверей тоннеля своими силами.

– Взорвать, что ли?

– Да лучше бы выдавить. Но если не будут поддаваться, тогда ладно... Взрывайте.

«То мы работаем за артиллерию, потом за ВКС... А напоследок за осназ... На все руки мастера!»

Игневич тоже взял слово.

– Не хочу показаться самым умным, товарищ командир, но у нас же есть плазменные резаки. Сам Бог велит ими воспользоваться!

Помор, который тоже обожал плазменные резаки незамутненным детским обожанием, все же поспешил отрезать товарища, а заодно и Растова:

– С прискорбием сообщаю, что килоампер-часов осталось – кошкины слезки. Поэтому резаки отменяются.

– Отставить разговорчики! – скомандовал Растов. – Сказано давить – значит будем давить.

Сперва три «Т-14» выстроились в ряд и попро-бовали выломать ворота сразу по всей ширине тоннеля.

Но силенок не хватало. Возможно, виновата была малая сила тяжести, из-за которой гусеницы оскальзывались о бетон и хорошего навала не получалось. А возможно, двери были сделаны очень с запасом...

Но стрелять Растов не хотел. Равно как и включать плазменные резаки. Встать с нулевым аккумулятором на задворках вражеской базы – это же глупость глупейшая! И опаснейшая.

Поэтому продолжили действовать дедовскими методами.

Три машины стали одна за другой цугом. «Пятьдесят четвертый» уперся носом в корму «Динго». «Пятьдесят второй» уперся в «пятьдесят четвертый». Потом вся троица отползла от бронедверей метров на сорок. А потом по команде Помора ка-а-ак дала тягу!

Трехсоттонный таран ударил по левой створке ворот, и она согнулась, как жестянка.

Из треугольной пробоины хлынул воздух вместе с неизбежным при разгерметизации летучим мусором: бумагой, полиэтиленом, одеждой и даже едой – Растов заметил караван сарделек в облаке риса.

Затем камера поймала и увеличила для Растова чайный стаканчик. Автопереведенная надпись на фарси гласила: «Чай зеленый крупнолистовой «Блаженство», первый сорт».

«Значит, нора клонская», – заключил майор.

От этой мысли ему неожиданно сильно полегчало. Очень уж он не любил столкновений с отечественными тайнами, одновременно и опасными, и какими-то... свинцовыми.

Танки ударили еще два раза и полностью выломали погнувшуюся бронедверь, чтобы не мешала.

За ней тоннель расходился на два, причем оба рукава круто изгибались. Один рукав уходил налево, другой – направо и вниз. Ни людей, ни техники – только несколько больших ящиков, неловко выпирающих из слишком тесных для них ниш.

Илютин был тут как тут.

– Растов, это вы вторые двери... гм-гм... открыли?

– Ну как сказать – «вторые», «первые»... Те, которые в ста метрах от начала тоннеля.

– Значит, вторые.

– И что нам это дает?

– Надо... гм-гм... подумать... Стоп! – Голос Илютина резко изменился. – Дайте увеличение на вон тот зеленый ящик!

– Который в нише?

– Да-да!

Растов дал.

– Итить его налево! – воскликнул неожиданно сильно впечатленный Илютин. – Этот ящик – укупорка боевой части бомбы «Рух»! По крайней мере, он так маркирован!

Растов мгновенно сообразил, что к чему.

– Тоннель заминирован, верно? – спросил он Илютина.

– Верно... Слушай, майор, буду с тобой откровенен, чего за моим ведомством обычно не водится... Готов?

– Да.

– Тогда так. Если по правилам, я должен сейчас тебе скомандовать из тоннеля уходить. И дожидаться... гм-гм... моих саперов. Они в экзоскелетах зайдут, все разминуют. А ты будешь стоять на безопасном удалении от входа в тоннель... Но это по правилам. Которые не годятся. Потому что если вдруг из тоннеля выедет любой вшивый «Паланг», он моих саперов как тараканов... гм-гм... перебьет. Поэтому я хочу, чтобы ты продвинулся еще вперед и перекрыл оба тоннеля своими машинами.

Растов выдержал многозначительную паузу и наконец ответил:

– Я тоже буду с вами откровенен, товарищ майор госбезопасности. Если по правому борту от моего танка взорвутся три с половиной тонны силумита, а именно столько несет бомба «Рух», то броня может не выдержать. И тогда весь мой экипаж погибнет от тяжелой компрессионной травмы. Поэтому вопрос: что там внизу такого ценного, из-за чего имеет смысл рисковать жизнями моих людей?

– Вы же рисковали в Стальном Лабиринте, так?

– Рисковал... Забавно, что вы в курсе.

– Я в курсе. Так вот, майор: там, внизу, штука поважнее Стального Лабиринта.

– Считайте, заинтриговали.

«Динго» свернул в правый рукав тоннеля, аккуратно обминул ящик с боевой частью бомбы «Рух» и самым тихим ходом протянул вперед еще метров тридцать. Растов, Кобылин и Игневич во все глаза присматривались к каждой шероховатости стен, к каждому подозрительному пятну на полу.

Если клоны заминировали вход в подземную часть своей базы огромными бомбами, то резонно было предположить, что внутри таится еще множество смертоносных сюрпризов.

И это вовсе не обязательно должны быть килотонные адские машины.

Клонские саперы могли использовать и крошечные мины.

И напалм.

И подручные материалы: газовые баллоны, кислородные резервуары, емкости с маслом, канистры с топливом...

Но не только боязнь подрыва на фугасе обострила чувства Растова до предела. Майор и в самом деле был заинтригован словами Илютина о «штуках покруче Стального Лабиринта».

Воображение Растова рисовало маслом и акварелью.

Тут тебе сверхмашины-терраформеры, покорные каждому мановению руки...

Тут тебе и летательные аппараты с маневренностью как у джипсов-гребешков...

И Х-двигатели размером с гору, свободно переносящие на тысячи парсеков целые планеты...

Но если где-то здесь и впрямь имелся огромный ксеноартефакт, то упрятан он был получше, чем смесь исследовательского зонда с техногробницей знаний на планете Навзар. На его присутствие вообще ничего не намекало. Во тьму, прорезанную прожекторами танка, уходила самая прозаичная бетонированная кишка. Выходит, чудеса подпольные, снова?

Растову вдруг вспомнился поединок с Кави-усаном на палахах. Стальная ловушка, истошные крики профессора Терена, сломавшего себе ногу, ощущение бесприютности и отсутствия выхода – вот как было в прошлый раз, когда он гонялся за грозными инопланетными чудесами... Растов поежился.

Меж тем пустота и безвидность коридора взывали к деятельной стороне его природы.

«Хоть бы уже напал кто», – подумал он и тотчас сам себя отругал за мальчишество.

Вдруг майору почудилось, что по броне танка кто-то постучал. То, что камеры кругового обзора ничего не показывают, перестало казаться Растову достаточным основанием к тому, чтобы игнорировать неопределенную угрозу, которая послышалась ему в этом едва заметном стуке. Майор испытал острое желание взять автомат и немедленно выбраться из танка, проверить, что там снаружи.

«Да нет, просто послышалось», – попытался убедить себя Растов.

– Товарищ командир, – напряженным голосом сказал Кобылин, – то ли у меня глюки, то ли под танком что-то... как будто возится.

Растов вздрогнул.

– Разрешите, я схожу проверю! – сразу вызвался безотказный Лунин. – Все равно я в танке лишний, сижу тут в позе земляного червя...

– Нет, тебе сегодня и так досталось. Оставайся за главного. Пойду я. Со мной Игневич, – решил Растов. – Бери автомат, мичман... Пошли.

Игневич неожиданно громко раскудаhtался: «Зачем еще?!», «Мнительность – общий враг!»... Как видно, не хотел геройствовать совсем.

Но Растов был неколебим.

Ходить при почти отсутствующей силе тяжести было чудовищно некомфортно. Без работы магнитных ботинок, надежно припечатывающих каждый шаг майора к надгусеничной полке «Динго», они рисковали прокувыркаться, стучась головами в свод тоннеля, до самого появления Илютина.

– Ты стой здесь, – приказал Растов, когда они с Игневичем добрались до крыши моторно-трансмиссионного отсека. – Свети в тоннель, держи автомат наготове.

– Так точно... Наготове. – Игневичу было явно не по себе.

Растов выключил электромагнитные обмотки и шагнул за кормовой срез танка.

Как он и ожидал, его двухметровое падение превратилось в семисекундный нырок в черное молоко вечной ночи тоннеля.

Внезапно невидимая рука схватила Растова за щиколотки и дернула вниз, непреклонно и сильно.

Майор даже не успел испугаться, как грохнулся на бетон! Будто бы невесть откуда взялась сила тяжести, как на Земле, а то и посильнее!

– Товарищ майор, с вами все хорошо?! – крикнул Игневич. – Мне спуститься?

– Все нормально, – прокряхтел Растов. – Ты сам-то как? Ничего не чувствуешь?

– Домой хочется... И лимончеллы итальянской, мне одноклассник бутылку подарил.

– Я не про то вообще!

– А что я должен чувствовать?

– Повышение силы тяжести... Как? Ощущаешь?

– Н-нет.

– Ну как же?! Они тут вроде силовой эмулятор включили... Гравитацию.

– Нет никакой гравитации, командир. – В голосе Игневича зазвучала тревога. – У вас-то у самого все путем?

– Забудь, – немного невпопад ответил Растов.

С этими словами майор, не вставая, перевернулся на другой бок и посветил под танк. Надо было все-таки разобраться с этим загадочным стуком.

Луч фонаря скользнул по каплям свежей окалины над буксировочным крюком, по пыльным узорам на рустованном брюхе, по чередке балансиров... А вот еще какой-то шершавый наплыв... «Грязь, что ли?»

Вдруг Растов похолодел.

То, что в первый миг показалось ему «наплывом», куском спрессованной пыли напололам со льдом, имело, несомненно, искусственное происхождение!

На то указывали серебристый диск толщиной в треть пальца, которым образование крепилось к днищу «Динго» ровно под двигателем, и несколько тонких металлических усов, выброшенных в стороны.

Магнитная мина с устройством неизвлекаемости.

– У нас под днищем магнитная мина, – сказал Растов, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

– А почему она стучала? – спросил Кобылин, продемонстрировав незаурядную для их ситуации тягу к абстрактному знанию. – Ведь магнитная же! Должна прилепиться и все.

– Прекрасный вопрос, – процедил Растов. – Просто замечательный... А как ее обезвредить, тебе не интересно?

– Ну... – Кобылин стушевался.

Ответ на вопрос Растова – как обезвредить? – никто не знал. А вот вопрос Кобылина неожиданно получил наглядный ответ.

Невидимая рука снова прижала майора к бетону. Тут же, прямо на его глазах, мина отлепилась от днища танка и беззвучно шлепнулась на пол тоннеля. Помедлив секунду, она подпрыгнула обратно и вновь прилипла к броне «Динго».

Вместе с этим Растов ощутил, что странный гравитационный эффект исчез и его снова ничто не удерживает.

– Мужики, – тихо сказал майор, – похоже, тут где-то поблизости сидит гномик и играет рычагом эмуляции гравитационного поля.

– Знать бы, гномик наш или клонский.

– В данный момент это не важно. – Растов даже не улыбнулся, хотя шутка была смешной.

В разговор вклинился Лунин, сама рассудительность:

– Я не понял, что вы имеете в виду, командир. Я не чувствую никаких колебаний силы тяжести.

– А я чувствую, – голос Растова становился все более усталым. – Кроме того, мина на моих глазах падала вниз, а потом снова прилепилась к днищу... Вы ведь слышали, как она стукнула?

– Вроде того, – неуверенно сказал Кобылин.

– Но вообще это странно, – разглагольствовал Лунин. – Магнитную мину не оторвать и усилием в двадцать «же»... А если бы ваш гномик подавал тридцать «же», вас бы уже на пол намазало! Как клонский сыр с укропом и фенхелем на горячую кукурузную лепешку.

С брони подал сердитый голос Игневич:

– Товарищи командиры, надо бы обсудить, как обезвредить мину. А не гномиков.

– Я думаю, без саперов мы ничего не сделаем, – вздохнул Растов, поднимаясь с корточек. – Поэтому приказываю всем покинуть танк и следовать за мной.

– Ни сна ни отдыха измученной душе, – проворчал Помор и заглушил мотор.

## Глава 8

### Аквариум

*Август, 2622 г. Вара-20 Планетоид Фраский-Лед, система Посейдония*

Так гвардейский экипаж остался без своей боевой машины и встретил появление илютинских саперов в несолидном для танкистов пешем строю.

Растов быстро втолковал сержанту-саперу в великолепном противовзрывном экзоскелете суть проблемы, не забыв предупредить и о загадочном гравитационном гномике. Затем он направился к Илютину, который, как заведено у офицеров ГАБ<sup>1</sup>, выделялся из общей массы осназовцев особой степенностью движений и эксклюзивным цветом антирадиационного напыления бронескафандра.

Видал Растов серебряные броники, видал и золотистые, а вот у Илютина был какой-то вызывающий, бабский аквамарин! Отражает ли этот цвет высокий ранг носителя, или же являет новый секретный функционал (может быть даже, и сбойный; к примеру, это скафандр-хамелеон, у которого система адаптивной подстройки цвета сломалась, застряв на этом неуместном аквамарине) – оставалось лишь гадать.

Соблюдая неписанный кодекс взаимной вежливости, оба офицера одновременно отключили защитную поляризацию на бронестеклах. После чего смогли увидеть лица друг друга.

Как и ожидал Растов, у обладателя аквамаринного скафандра оказались недоверчивые и жестокие глаза человека, привыкшего из года в год вглядываться в опасную тьму за небольшие, в сущности, деньги.

– Гвардии майор бронетанковых войск Растов, – представился он первым.

– Интересно, есть здесь хоть один человек, который не знает, что командир тяжелой танковой роты первого батальона – тот самый Растов? – сказал Илютин без тени улыбки. И тоже представился формально: – Майор госбезопасности Илютин. Зовут Афанасий.

– Приятно познакомиться. Константин. Мы подцепили мину-ловушку. Пришлось бросить танк. Чувствуем себя как черепахи, которых вынули из панциря... Поэтому рассчитывать на нас, как, допустим, на какой-нибудь осназ, я бы не стал.

Но Илютин не очень-то слушал. По крайней мере, спросил о своем:

– Скажите, Константин, в вашем бронике есть переводчик?

– Новейший «Сигурд-2». Но зачем тут?..

– Вы же видели, как мы загремели? Ну, на «Кирасире»?

– Видел. Все видели.

– Мне так бока намяло, что парсер моего скафандра накрылся, сука, звездой...

Растова удивила эта «сука», но он сделал вид, что нет. Как, кстати, и то обстоятельство, что в радиообмене Илютин обращался к нему на «ты», а после личного знакомства перешел, наоборот, на «вы».

В конце концов, человек после аварии. Контуженый-заслуженный.

Илютин продолжал:

– Со мной еще двое спецов было... Нету их, короче.

Растов сдержанно кивнул. «Нету» значит «нету».

– Вывод: пойдете со мной, поможете в одном деле.

– Какое хоть дело? Намекните, что ли.

---

<sup>1</sup> ГАБ – Глобальное Агентство Безопасности. Для ГАБ установлена особая система званий с прибавлением слова «госбезопасности» или, короче, ГБ. При этом сержант или офицер ГБ считается старше на 2 ступеньки, чем носитель такого же звания в армии. Например: старший сержант ГБ соответствует армейскому лейтенанту, майор госбезопасности – полковнику.

В этот момент с Илютиным связались его саперы, и тот, пробормотав «извините», переключил канал.

Пока майор ГБ принимал доклады и раздавал распоряжения, Растов исподволь наблюдал за тем, как колдуют саперы над зеленым саркофагом, начиненным тоннами силумита.

Все было как в учебном фильме. Саперы для начала облили укупорку БЧ «Рух» сверхсмазывающим радионепрозрачным гелем. Он изолировал заряд от возможных импульсов дистанционного подрыва.

Затем они пробуравили стенку безвибрационным сверлом «Червяк». Ввели в дырку микрокамеру на световоде. Это позволило саперам получить живое изображение собственно боевой части бомбы – трехметрового стального цилиндра, начиненного взрывчаткой и электроникой командных механизмов.

Ну и главное: аккуратно пошуровав гибким световодом, под дальней стенкой контейнера они разглядели прилепленное к бомбе ИВУ – инициирующее взрывное устройство.

В дело вступил сапер с офицерским пистолетом «ТШ-ОН» на бедре, который до сих пор стоял безучастно в стороне от вечеринок.

Растов вспомнил, что саперы называют таких «хирурги». На счету «хирургов» – тысячи обезвреженных бомб. У них точные, чувствительные пальцы и зоркие глаза. А еще как будто кто-то сверху шепчет им на ухо, как надо действовать... Потому что ни в каких учебниках самые важные нюансы не объяснить. То есть попробовать, конечно, можно. Но будет не то...

В общем, «хирург» взялся за дело.

Он раскрыл объемистый сундучок и извлек из него большой черный пистолет, похожий на сигнальную ракетницу. Он переломил его, как архаичную охотничью двустволку, и зарядил с казенной части баллончиком, несущим маркировку химической опасности.

«Кислота. Сейчас будет дырку прожигать», – вспомнил Растов кадры учебного фильма.

Дыра, которую проделал «хирург», была размером с ладонь и очертаниями напоминала Австралию.

Растов ожидал неких продолжительных и сложных манипуляций с электроникой – ведь все-таки там ИВУ!

Но их не последовало.

«Хирург» просто запустил в дыру пятерню, облаченную в специальную сенсорную перчатку, и плавным движением фокусника вытащил устройство на свет божий. После чего немедленно отправил зловещую синюю коробочку в толстостенный контейнер, наполненный поглощающим гелем, который подал ему расторопный сапер-ассистент.

– Люблю смотреть на такое... – сказал Илютин, вырастая за спиной у Растова. – Ну что, готовы идти?

– Вообще-то не готов. Я должен удостовериться, что с моей машиной все в порядке.

Илютин скривился – мол, что за детский сад. Но на словах согласился:

– Ну пойдете, почему бы и нет. Нам все равно в ту сторону.

Возле «Динго» стояли два сапера.

При приближении старших офицеров они с энтузиазмом отдали честь Илютину и полностью проигнорировали Растова.

Растов не стал придирается – мало ли, может, совсем на ногах не стоят уже.

– Товарищ майор, магнитная мина обезврежена! Визуальный осмотр танка проведен, других взрывоопасных устройств не обнаружено!

Илютин был краток:

– Спасибо, Климович. Свободны.

К Растову подскочил взволнованный Лунин:

– Ждем ваших приказаний, товарищ майор!

– Остаешься за старшего.

– А вы?

– Я на прогулку... Вот, с товарищем майором.

Илютин кивнул. Мол, да, ему ведомы знатные маршруты...

– Тут, кстати, осторожней, – сказал Растов Илютину, указывая на пол близ кормы танка. – Странный эффект наблюдался. Интенсивная осцилляция гравитационного поля. Хотя для гравитационного поля оно действует слишком избирательно...

Илютин снисходительно отмахнулся – как гинеколог от порнографии.

– А, это магназер.

– Прошу прощения, что такое «магназер»?

– Ну, магнитные... гм-гм... финишеры на авианосцах знаете?

– Имею представление.

– Так это то же самое. Направленное магнитное поле высокой напряженности, формируемое потоком монополей... гм-гм... Дирака. Его тут клоны используют, как говорится, и в хвост и в гриву.

– Чтобы что?

– Чтобы производить ту самую продукцию, ради которой я сюда прилетел. Идемте.

Растов так спешил удалиться от пучка монополей Дирака, который вызывал в нем безотчетное раздражение, что «лунная походка» ему совершенно не давалась. При очередном шаге он оттолкнулся от пола с такой силой, что подлетел к двутавру на потолке и по-клоунски стукнулся о него теменем.

Илютин поглядел на это неодобрительно.

– Знаете, над вами надо взять шефство. Обо что биться – это ваше дело. Но если там стоит мина-ловушка... Начальство меня четвертует, если узнает, что у меня на глазах погиб сын Растова.

Пришлось гвардейцу-танкисту переступить через гордость и ввериться в руки осназовцу в штурмовом скафандре «Валдай».

В отличие от более простых и легких танковых бронескафандров штурмовой «Валдай» был отлично приспособлен для перемещений в невесомости.

Осназовец деликатно приобнял майора за плечи, после чего два полупрозрачных огненных мотылька под подошвами его железных ботинок создали тягу, полностью уравновесившую вес обоих. Ну а реактивный выхлоп между лопаток осназовца властно повлек их вперед.

Несмотря на киногоеничность, полет был не особо комфортным. К счастью, коридор оказался коротким, и вскоре они уже уперлись в люк-диафрагму, выкрашенную в яркий оранжевый цвет.

На люке сияла поддельным золотом эмблема: пробирка, из которой вырастает роза.

– Теплица тут у них, что ли? – попробовал пошутить Растов, ткнув пальцем в розу.

– Это эмблема клонского министерства здравоохранения... Которая, впрочем, не отражает реальную ведомственную принадлежность объекта за шлюзом.

– И какова же эта принадлежность?

– Военная, ясен пень. Как и все здесь, на базе Вара-20.

– Так это объект класса «Вара»! – удивился Растов. – Так бы сразу и сказали...

– Я думал, очевидно, что перед нами – одна из секретных передовых баз Конкордии.

– Мы, танкисты, доверяем только тому, что видим. Я лично видел временную стоянку флота... И никаких капитальных баз!

– Сейчас мы это исправим, – пообещал Илютин загадочно.

С этими словами он извлек из транспортного отсека своего скафандра плоский портфель крокодиловой кожи с чванливым фравахаром на пряжке и тремя сквозными пулевыми отверстиями.

«А портфельчик-то наверняка сняли с какого-то генерала... Ехал, небось, в той самой колонне, которую мы по доброте душевной отпустили. Тут-то его осназ с борга «Кирасира» и прихлопнул...»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.